

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Государственно-правовая

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему: Особенности реализации конституционного права на свободу слова
и информации в Российской Федерации

Студент

А.М.Талалаева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юр. наук, доцент А.С. Таран

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, связанные с реализацией прав на свободу слова и свободу информации в России.

К предмету настоящего исследования относятся нормы права, посредством которых урегулированы общественные отношения, составляющие объект исследования.

Целью настоящего исследования является установление содержания и места права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека в России, установление их оптимального баланса и границ реализации, принципов ограничения, поиск путей и способов дальнейшего развития его правового регулирования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и правовые методы исследования. Главными в этой системе выступает общенаучный диалектический метод, логико-семантический метод, логический метод, историко-правовой метод и формально-юридический.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, 3-х разделов, заключения, списка литературы из 91 источников. Общий объем работы, без приложений, 78 страниц машинописного текста.

Содержание

Введение.....	4
1 Правовое регулирование конституционного права на свободу слова и информации	8
1.1 Генезис права на свободу слова и информации: мировой и отечественный опыт.....	8
1.2 Понятие, содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека	14
2 Правовые гарантии реализации права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	24
2.1 Система конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации.....	24
2.2 Стандарты Совета Европы в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации.....	34
3 Правовой механизм реализации и защиты права на свободу слова и информации	42
3.1 Система защиты права на свободу слова и информации	42
3.2 Правовые позиции Конституционного Суда РФ в области защиты права на свободу слова и информации.....	51
3.3 Основные направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации.....	59
Заключение	633
Список используемой литературы и используемых источников.....	68

Введение

Актуальность избранной темы исследования обусловлена несколькими факторами как теоретического, так и практического характера. Так изначально право на свободу выражения мнения (свободу слова) и информации рассматривались на международном уровне как единое целое, при этом, право на информацию рассматривалось как составляющее права на свободу выражения своего мнения. Впервые данное право на международном уровне было определено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. именно в указанном соотношении. Впоследствии право на информацию в значительной степени было развито, получило своё собственное содержание, что позволяет утверждать о его самостоятельном значении. Таким образом, возникает проблема установления соотношения, в т.ч. взаимосвязи и различий, права на свободу слова и информации.

Кроме того, необходимо констатировать что регулирование информационных потоков и обращение информации является одной из наиболее важных задач как не международном, так и на национальных уровнях по причине быстрого прогресса информационных технологий, которые позволяют упростить процесс поиска, создания и обмена информацией, её распространение. К большому сожалению право на свободу выражения мысли и свободу информации, в век информационных технологий становится орудие воздействия на массовое сознание людей, сферой совершения различных противоправных посягательств, влияние на общественные процессы деструктивного характера. В связи с этим возникает необходимость установления наиболее рациональных границ использования настоящего права.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость проведения всестороннего анализа доктринальных основ права человека на свободу слова и информации, установления его содержания и границ реализации,

дальнейшего совершенствования механизма реализации и ограничения данного права в России.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется постоянным повышенным вниманием к данному вопросу. Можно выделить таких авторов научных публикаций за последние годы, как Л.И. Валитова, И.А. Гончаров, А.Р. Гареев, И.Н. Забара, В.А. Кочев, В.С. Клементьева, Т.Н. Колмакова, С.Ю. Колмаков, М.Я. Муратов, Т.В. Пашнина, И.Н. Хныкин, Н.П. Щеголева, П.О. Силаев, А.А. Фатализаде, А.Б. Эктумаев и других. В основном обозначенными авторами рассматривались вопросы правовой регламентации права на свободу слова и информации, осуществлялось их теоретическое осмысление, рассматривались проблемные вопросы ограничения права на информацию.

Рассматривалась исследуемая проблематика и на диссертационном уровне. Необходимо отметить диссертационные исследования 2007 года М.А. Дубровиной посвящённые вопросам защиты конституционного права на свободу мысли и слова в России, диссертацию этого же года А.В. Кротова посвящённую вопросам защиты права на свободу информации, 2012 года Е.С. Пальцевой по вопросам соотношения права на свободу слова и право на защиту чести, достоинства и доброго имени, 2013 года А.А. Щербович по вопросам свободы слова и права на доступ к информации в сети Интернет. Отдельно также стоит отметить сравнительно-правовое исследование права на свободу слова в США проведённое в 2013 году Н.А. Перовой.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, связанные с реализацией прав на свободу слова и свободу информации в России.

В свою очередь, к предмету настоящего исследования относятся нормы права посредством которых урегулированы общественные отношения, составляющие объект исследования. К таким нормам, прежде всего, относится Конституция РФ, международные нормативные акты в сфере прав и свобод человека, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека 1948

года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, отечественное законодательство, которое развивает и дополняет конституционные положения по рассматриваемому вопросу. Отдельное место в предмете исследования занимают решения Конституционного суда РФ.

Целью настоящего исследования является установление содержания и места права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека в России, установление их оптимального баланса и границ реализации, принципов ограничения, поиск путей и способов дальнейшего развития его правового регулирования.

Для достижения указанной цели, необходимо выполнить следующие задачи:

1. Исследовать генезис права на свободу слова и информации: мировой и отечественный опыт.
2. Определить понятие, содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека.
3. Охарактеризовать систему конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации.
4. Проанализировать стандарты Совета Европы в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации.
5. Определить и раскрыть содержание отечественной системы защиты права на свободу слова и информации.
6. Проанализировать правовые позиции Конституционного Суда РФ в области защиты права на свободу слова и информации.
7. Разработать основные направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и правовые методы исследования. Главным в этой системе выступает

общенаучный диалектический метод, в рамках которого были применены такие приёмы познания, как анализ и синтез, абстракция и восхождение от абстрактного к конкретному. С помощью логико-семантического метода проведено изучение и углублён понятийный аппарат, а именно, даны определения природных ресурсов, торгов о предоставлении природных ресурсов, их отдельных видов, а также других понятий категорий, имеющих значение для проведения исследования. Также, широко был применён логический метод, суть которого заключается в выявлении внешних признаков правовых явлений, их отличия друг от друга, установлении классификаций, создании логических конструкций на базе законодательных (легальных) и теоретических понятий и определений. Историко-правовой метод применяется для изучения становления и дальнейшего развития современной концепции права на свободу слова и информации. При помощи формально-юридического метода исследовано содержание правовых норм, в которых непосредственно выражаются содержание исследуемых прав.

Структура настоящего исследования обусловлена поставленной целью и задачами исследования и состоит из введения, основной части, заключения и списка использованных источников и литературы.

1 Правовое регулирование конституционного права на свободу слова и информации

1.1 Генезис права на свободу слова и информации: мировой и отечественный опыт

Право человека на свободу слова и информации в своём историческом развитии и генезисе тесно взаимосвязана с другими правами и свободами человека, а значит обусловлена общим тенденциям в данной сфере.

Так, возникновение и закрепление основных групп прав связаны с историческим развитием общества и с рядом выдающихся событий в истории человечества. Как указывает А.В. Стремоухов, по времени возникновения права человека делят на три поколения: права первого (гражданские и политические права), второго (социально-экономические права) и третьего («народов», или «права солидарности») поколения. Данную концепцию сформулировал в начале 70-х гг. XX в. французский юрист Карел Вазак [48, с. 7-10]. Вместе с тем, на данном этапе развития научной мысли, учёные выделяют четвёртое и пятое поколения прав человека [31]. Далее кратко охарактеризуем основные «поколения» прав человека.

Первое поколение - это гражданские и политические права (к которым относятся и право на свободу слова и информации). Появление таких прав связано с истоками конституционализма и борьбой за независимость в XVIII в. (борьба американских народов и Великая французская революция). Результатом завоевания буржуазных революций стали провозглашение и закрепление в национальном законодательстве передовых демократических государств таких ценностей, как право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и безопасность, на свободу от произвольного ареста, задержания или ссылки, право на справедливый и беспристрастный суд, на свободу передвижения, свободу мысли, совести и религии.

Социально-экономические права и свободы составляют второе поколение прав. Их возникновение в первой четверти XX в. связано с социалистическими революциями вследствие развития наемного труда и борьбы народа за улучшение экономического уровня. Настало осознание того, что полноценное развитие и реализация потенциала человека (а следовательно, его прав и свобод) могут осуществляться только в достойных условиях существования. По своей природе права второго поколения отличаются от прав и свобод первого поколения, поскольку являются позитивными. То есть государство обязано не просто не препятствовать их осуществлению, но главным образом создавать соответствующие благоприятные условия, необходимые для их реализации. Это влечет за собой немалые усилия и затраты, осуществить которые могут и готовы далеко не все государства.

Третье поколение прав возникло во второй половине XX в. в связи с завоеванием свободы и независимости колониальными народами. Оно представлено так называемыми правами народов или правами солидарности. Это, несомненно, коллективные права. Третье поколение прав человека принято считать заслугой и вкладом развивающихся стран. К числу данных прав относят право народов на самоопределение и на развитие, право на мир, право на общее наследие человечества и др.

Личные (естественные и гражданские) права (права первого поколения) к которым относится и рассматриваемое нами право на свободу слова и информации - это те права, которыми человек наделен от рождения, и государства обязаны воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы. Личная свобода защищает автономию индивидуума и не дает государству вторгнуться в сферы индивидуальной свободы [43, с. 125-126].

Данные права провозглашены в первых 18 статьях Всеобщей декларации прав человека. Из этой группы прав можно выделить права, касающиеся неприкосновенности личности (право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, на свободу от пыток и бесчеловечного

обращения, произвольного ареста, задержания или ссылки, рабства, вмешательства в частную жизнь, право владеть имуществом, на свободу передвижения, свободу мысли, совести и религии). Другая группа гражданских прав - процессуальные права - защищает индивидуума от произвола решений государства и вооружает его инструментом для защиты других своих прав. Эта группа включает право на равенство перед судами и трибуналами, право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, презумпцию невиновности, запрещение ретроактивного применения уголовного законодательства и др.

В целом, приоритет личных прав и свобод человека подтвержден многими конституциями. Такой подход продиктован целью обеспечения автономии личности, значением индивидуальных, внутренних ориентиров ее развития, самоопределения личности [50, с. 142]. Эти права и свободы составляют основу, базу правового статуса человека. Большинство из них носят абсолютный характер, т.е. являются не только неотъемлемыми, но и не подлежащими ограничению. При этом, право на свободу слова и информации относится к тем личным гражданским правам, которые имеют пределы своего осуществления в случаях, когда затрагивают другие права (наиболее показательный пример – право на тайну личной жизни) и могут быть ограничены государством в случае если реализация последнего препятствует публичному (общему) интересу.

В международном праве свобода слова и информации вырабатывалась в несколько этапов, включая ее научное обоснование. Предпосылки формирования свободы слова закреплялись как в национальных, так и в международных правовых актах на протяжении нескольких веков и отражены в таких актах, как Билль о правах, Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Устав ООН, Декларация прав и свобод человека и гражданина 1949 г. и др. [36, с. 87]

Впервые на международном уровне право на свободу слова было провозглашено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) [4]. Согласно данной статье каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Свобода мысли как личное (гражданское) право человека рассматривается в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (от 16 декабря 1966 г.) [36] в едином контексте со свободой совести и религии. В статье 19 Пакта закреплено право каждого человека беспрепятственно придерживаться своих мнений. Согласно пунктам 2 и 3 статьи 19 Пакта, каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи.

Свобода выражения своего мнения является как самостоятельным правом, так и компонентом других прав, защищаемых Конвенцией, как, например, свобода собраний. В то же время, свобода выражения мнения может вступать в противоречие с другими правами, охраняемыми Конвенцией, такими, как право на уважение частной жизни, на свободное судебное разбирательство, свободу совести и религии и другие [34, с. 138].

Ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гарантирует каждому право на свободу выражения своего мнения. Это право включает в себя свободу придерживаться собственного мнения, свободу получать и распространять информацию, идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. При этом настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий [27].

Европейский Суд достаточно широко трактует фразу «выражение мнения» в своей практике. В это понятие входит не только устное или письменное выражение мнения [24, с. 57]. Сюда включаются и визуальные образы, и музыка, и поведение, и современные коммуникативные технологии, живопись, кино, радио и телевизионные передачи, листовки, распространение газет.

В современном обществе право на свободу выражения своего мнения стало одним из приоритетных прав человека, имеющих юридическое и политическое значение. Свобода выражения своего мнения и свобода слова включает два важных аспекта, связанных с правом на свободу информации: первый аспект подразумевает право читать, слушать, видеть и получать информацию в разных формах; второй аспект включает право на получение информации с целью передачи идей или фактов другим [40, с. 24-30]. Изучение права на свободу выражения своего мнения имеет важную значимость для обеспечения его защиты во внутригосударственном законодательстве. В настоящее время можно наблюдать тенденцию адаптации внутреннего законодательства к международному праву в области защиты прав человека. Следует учесть, что элементы права на свободу выражения своего мнения сложны, и каждый из них нуждается в особом изучении. Гарантирование единых стандартов прав человека создает для государств новые обязательства по усовершенствованию своей законодательной системы и механизма защиты прав человека [41, с. 12].

Следует отметить, что право на свободу выражения своего мнения, гарантированное в ст. 10 Конвенции, в одинаковой степени применяется Судом к индивидуальной и массовой коммуникации и гарантирует защиту не только сообщений, распространяемых СМИ или публично, для широкого и неопределенного круга лиц, но и тех случаев, когда сообщения были переданы от одного лица лично другому [55, с. 55-56].

Ст. 32 Конвенции включает вопросы толкования Конвенции в полномочия Европейского суда по правам человека и невозможно не

признать тот факт, что текст конвенции нельзя рассматривать вне тесной связи с прецедентным правом Европейского суда по правам человека.

В прецедентном праве Европейского суда по правам человека установлена связь между ст.ст. 8 и 10 Конвенции [55, с. 56]. Как утверждает Комиссия, «концепция частной жизни по статье 8 включает также в определенной степени право на установление и поддержание отношений с другими людьми в целях реализации личности» [55, с. 56]. Эти два элемента права на частную жизнь не упомянуты в ст. 8. Однако в п. 2 ст. 10 имеется прямая ссылка на эти два элемента как на основания для ограничения свободы слова - на защиту репутации и предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально. Конфиденциальной информацией является: информация и документы, касающиеся личности человека; информация о частной жизни человека; переписка и телефонные разговоры человека [55, с. 56].

Конвенция предусматривает право на свободу выражения мнения, право на свободу информации, упомянутые в ст. 10, как общую систему тесно взаимосвязанных друг с другом прав [55, с. 56]. Несмотря на то, что ст. 10 называется «Свобода выражения мнения», и право на информацию определяется как часть такой свободы, свобода информации в широком смысле охватывает свободу слова и свободу выражения мнения, а также право на получение информации. Но эти права и свободы человека часто пересекаются.

Что касается отечественного опыта, то исторически так сложилось что право на свободу слова и информации в России постоянно притеснялось. Так, до начала XIX в. свободой выражения своих убеждений обладал только монарх. В 1804 г. император России Александр I подписал новый устав, ставший инструкцией для цензоров, в котором говорилось, что цензура утверждается «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». И там подчеркивалось: неоднозначные места в текстах должны толковаться

«выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать». Однако на практике все эти рекомендации не учитывались. Более заметное послабление ограничений на свободу печати произошло лишь в 1855-1861 гг. В частности, оно коснулось изданий университетов, которые освобождались от цензуры. В 1917 г. Февральская революция отменила цензурные ограничения, однако уже в августе после неудачного мятежа под руководством Л. Г. Корнилова она было восстановлена. Конституция СССР декларировала свободу слова и печати, однако в действительности публичное высказывание убеждений, идущих в разрез с основной линией КПСС, преследовалось и уничтожалось на корню [34, с. 137-140].

Фактически, только после преобразования в 1991 году в России появилось не только декларативное право на свободу слова и выражения собственного мнения, право на свободное распространение информации, но и их практическое воплощение (по крайней мере в сравнении с предыдущими историческими периодами). Основой права на свободу слова и информации стала ст. 29 Конституции РФ содержание и значение которой подробной будет рассмотрено в следующем параграфе.

1.2 Понятие, содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека

В настоящий момент, право на свободу слова и информации является конституционным правом и закреплено в ст. 29 Конституции РФ. Изложим её содержание.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, каждому в государстве гарантируется свобода слова и свобода мысли. Кроме того, из содержания ч. 3 ст. 29 Конституции РФ установлено, что к свободе слова и мысли отнесено правило, согласно которого «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». Иными словами, свобода

слова состоит не только в праве выразить своё мнение, но и в праве отказаться от его выражения.

А.Б. Эктумаев отмечает, что «предметом гарантии конституционного права на свободу слова является свобода коммуникации. Коммуникация образует исчерпывающий перечень вопросов права на свободу слова. В этом круге вопросов свобода слова обретает свои имманентные границы» [64, с .102].

В научной литературе [33, с. 136] содержание права на свободу слова определено следующим образом:

а) возможность положительного поведения (право на собственные действия (бездействия), что предполагает: свободу производить и искать информацию; свободу придавать информации форму сообщения; свободу передавать (распространять) информацию; свободу использовать доступные каналы связи; свободу получать и расшифровывать передаваемые сообщения; право придерживаться своего мнения, убеждения;

б) возможность пользоваться свободой коммуникации как социальным благом;

в) возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица (право на чужие действия). В первую очередь, это поведение, связанное с отсутствием посягательств на свободу слова соответствующего субъекта;

г) возможность прибегнуть к государственному принуждению в случае неисполнения стороной своей обязанности.

Кроме того, субъективное право на свободу слова включает также право на отказ от передачи и распространения каких-либо сообщений и право на отказ от получения каких-либо сообщений.

Значение свободы слова как конституционного права, также заключается в том, что его реализация и воплощение имеет особое значение для реализации отдельных конституционных положений, в том числе, относящихся к основам конституционного строя государства. В частности,

без реализации принципа свободы слова не возможно, в полной мере реализовать принцип демократизма, предусмотренный ст. 1 Конституции РФ. Демократия как способ организации общества и государственной власти в нём предполагает свободный обмен информацией, свободы высказывания мнений различными представителями общественных групп и т.п. Аналогичным образом, невозможно представить без реализации принципа свободы слова и принцип народовластия (ст. 3 Конституции РФ). Кроме того, реализация демократии и народовластия невозможно, без обеспечения в обществе идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ).

Определяя место обозначенных прав в отечественной системе прав и свобод человека и гражданина, необходимо обратить внимание на следующее. В практике судебных решений Конституционного Суда РФ существует такая категория, как «основное право», которая применяется судом к отдельным конституционным правам. В результате проведённого анализа, установлено, что в различных решениях КС РФ [61], [66], [67] к основным правам были отнесены следующие: право на свободу передвижения и выбора места жительства (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ), право частной собственности (ст. 35 Конституции РФ), право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), право на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) [68] и т.п. В данном перечне отсутствует право на свободу слова.

В связи с этим, обратим внимание на тот факт, что отдельными учёными ставится под сомнение отсутствие в «списке» основных прав и свобод человека, право на свободу слова. Практическое значение возникшей ситуации заключается в том, что решения КС РФ в силу известных нормативных предписаний являются обязательными и фактически входят в систему источников нормативного регулирования отечественного законодательства «подчиняясь» только Основному закону (в данном утверждении речь идёт о позиции автора). В связи с этим, причисление в таких решениях отдельных прав и свобод к основным и не указание других

может свидетельствовать о фактической позиции законодателя относительно значение такого права в системе прав и свобод человека в целом (если КС РФ не толкует такое право, как «основное», значит его конституционно-правовое значение и не предполагает такого понимания).

Отдельные учёные выражают мнение о том, что право на свободу слова также должно быть отнесено к основным правам и свободам человека. В частности, это В.А. Кочев и А.Б. Эктумаев, которые в совместной научной публикации приходят к выводу о необходимости отнесения свободы слова к основным правам человека, отмечая при этом, что «свобода слова - одна из важнейших гарантий исходных конституционных прав (жизнь, свобода, честь, достоинство)» [91, с. 102].

Вместе с тем, обозначенное право на свободу слова, имеет и свои пределы (ограничения), которые установлены в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ. Таким образом, не допускается «пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Кроме того, как отмечают В.А. Кочев и А.Б. Эктумаев, ограничение права на свободу слова также заключается в установлении запрета на создание и деятельность общественных объединений, которые преследуют своей целью насильственное изменение основ конституционного строя государства и /или нарушение территориальной целостности России, подрыв её государственной безопасности, создание вооружённых формирований, а также разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции РФ) [91, с. 102].

Существуют и другие конституционные предписания, которые косвенно предполагают под собой ограничение свободы слова. К таким предписаниям допустимо отнести предусмотренный ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без получения от последнего согласия. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 51

Конституции РФ установлено как право не давать свидетельские показания, так и, соответственно, давать свидетельские показания.

Кроме того, право на свободу слова связано с конституционными предписаниями относительно принудительного раскрытия информации (её разглашение), которое А.Б. Эктумаев характеризует как «принуждение к коммуникации» [91, с. 104] (ст.ст. 41 и 42 Конституции РФ).

Также необходимо указать на общие основания для ограничения конституционных прав, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой свобода слова как конституционное право может быть ограничено органами государственной законодательной власти федерального уровня в целях иных конституционно охраняемых ценностей к которым относятся: основы конституционного строя, основы нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Далее рассмотрим право на информацию. В соответствии с чч. 4 и 5 ст. 29 Конституции РФ установлено, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, «гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается».

Как мы можем наблюдать в самом тексте Конституции РФ отсутствует такой термин, как «право на информацию». Отдельные учёные, например, Н.А. Щеголев и П.О. Силаев, утверждают, что отсутствие такого термина создают проблемы в правоприменении. По мнению указанных учёных единственным положением, которое прямо относится к рассматриваемому праву является ч. 4 ст. 29 Конституции РФ относительно свободы поиска, получения, передачи, распространения и производства информации всеми незапрещёнными законом способами [89, с. 120-121].

Важной характеристикой конституционного права на информацию является её связующий характер, поскольку без надлежащего уровня информационной свободы, реализация многих других конституционных прав будет весьма затруднена. В качестве одного из примеров можно указать предусмотренное ч. 1 ст. 37 Конституции РФ право свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. При этом, чтобы свободно выбрать профессию и род деятельности, необходимо доступ к информации в отношении характеристик и специфики соответствующих сфер трудовой деятельности. Кроме того, только способом получения информации возможно и реализация права на образование, в т.ч. самообразование [63, с. 124].

Для установления содержания и понимания права на информацию предлагаем обратиться к позициям Совета по правам человека при ООН. Ещё в тематическом докладе 1994 года отмечалось что общее понимание права на информацию заключается в защите возможности получать информацию и знакомиться с различными идеями [47]. Данное утверждение было связано с особенностями указанного исторического периода, когда важную и актуальную роль приобретали вопросы идеологического многообразия, повышенной роли информации в обществе. В последствии такой тезис нашёл своё отражение и в п. 36 Доклада Специального докладчика от 12 декабря 2003 г. [23].

Важное значение для уяснения сущности права на информацию является установление его самостоятельного или производного характера. В качестве нормативного обоснования производности права на информацию служила ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором закреплялось право на свободу выражения мнения, одним из элементов которого является свободный поиск, получение и распространение информации. К тому же, изначально большинством специалистов право на информацию рассматривалось как производное, в последствии начало рассматриваться двуедино. Так, в п. 35 Доклада

Специального докладчика от 19 декабря 1994 г. [47], указывается на существенность различных элементов права на свободу слова и свободное выражение собственного мнения, в том числе на самостоятельное значение права на передачу информации (п. 5 Доклада Специального докладчика от 4 февраля 1997 г.) [47].

В последующем право на информацию окончательно стало пониматься как самостоятельное право человека. Об этом, в частности, свидетельствует п. 42 Доклада специального докладчика от 29 января 1999 г.: «это право существует само по себе. Как таковое, оно является одним из прав, на которых зиждутся свободные и демократические общества» [23].

Рассмотрим случаи ограничения права на информацию. Как уже указывалось выше, в силу определённых обстоятельств, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, право на информацию может быть ограничено федеральным законодательным органом.

Отдельные международные правозащитные организации в последние годы негативно оценивать тенденции по защите права на свободу выражения мнений и свободу информации в России. В частности, об этом заключила Международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) опубликовала еще в 2017 году. Суть претензий организации выражается в том, что с 2012 года и по настоящий момент государством осуществляется целенаправленная политика по установления новых законодательных ограничений в данной сфере, в связи с чем в значительной степени сужается пространство для общественных дискуссий, в первую очередь, в сети Интернет [20, с. 113-117].

И.Н. Хныкин по этому поводу отмечает, что государство не может и не должно в полной мере устраниться от контроля и регулирования того, Какая информация размещается в сети «Интернет», поскольку посредством использования данного ресурса ежегодно совершается большое количество противоправных действий различного толка: в том числе, мошенничества, организация террористических сообществ, террористических актов.

Конечно, нельзя считать правильным утверждение, что государство должно полностью устраниваться от государственного контроля и регулирования размещения информации в Интернете. Ведь с помощью сети Интернет каждый год совершается все больше различных правонарушений - от мелкого кибермошенничества до организации террористических актов. Кроме того, в последние годы специалистами в сфере государственной безопасности активно начал использоваться термин «информационная война» основным «полем» (пространством) для ведения которой как раз и является сеть «Интернет» [86, с. 73-78].

С данной позицией вполне необходимо согласиться. Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что чрезмерное усиление государственного контроля за интернет-пространством и информационным пространством в целом, создаст условия для злоупотребления отдельными должностными лицами в целях использования предоставленных полномочий в целях борьбы с критикой государства и действий его должностных лиц со стороны гражданского общества. В связи с этим, важное значение имеет не только установление границ (исчерпывающего перечня) случаев установления информационной цензуры, но и максимально эффективного и состязательного процесса рассмотрения вопроса о блокировании определённого информационного ресурса.

В подтверждение необходимости государственного «оперативного» регулирования информационной безопасности способом установления ограничения права на свободу выражения мнений и информации, необходимо указать, что такие полномочия предоставлены государству во многих зарубежных странах. Как правило, такие полномочия предоставлены в целях обеспечения государственной безопасности и защиты публичного и/или частного интереса.

А.Р. Гареев в качестве примера приводят опыт США и некоторых европейских государств, в которых принята стратегия минимизации государственного вмешательства в сеть «Интернет» и минимально

необходимого ограничения доступа к данному информации. Государственное регулирование («охрана» публичного интереса в вопросе регулирования информационных отношений) осуществляется по следующим направлениям: борьба с терроризмом, охрана авторских прав, защита несовершеннолетних от опасной для них информации. В качестве средств регулирования предусмотрена и процедура блокировки сайтов, как правило в судебном порядке [6, с. 455-457]. Вместе с тем В.Н. Хныкин отмечает, что предпринимаемые в иностранных государствах меры по ограничению права на информацию и свободу выражение своей мысли также вызывают негативную реакцию со стороны правозащитных организаций. Среди основных «претензий» следующие: неоднозначность стратегии блокировки, их непрозрачность, отсутствие достаточной степени отчётности административного органа общественности. Возникает глобальный вопрос о том, совместимы ли меры по блокировке доступа с фундаментальным правом на свободу самовыражения [58, с. 75-76].

В результате проведённого анализа законодательства, а также научных публикаций по теме ограничения права на информацию [17], [18], [20], [30], [33], [34], установлено, что в данном вопросе имеется множество насущных и дискуссионных проблем. Например, учёные отмечают, что за последние несколько лет государство перешло от практики применения судебного порядка рассмотрения вопросов о блокировке интернет-ресурсов к преобладающему административному, введены дополнительные составы административных правонарушений и уголовных преступлений за «информационные правонарушения» (административная ответственность за оскорбление власти, усиление ответственности за призывы к экстремистским действиям и т.п.).

В качестве подведения итогов написания настоящего параграфа, отметим, что право на свободу слова и свободу информации являются взаимосвязанными. Реализация каждого из прав невозможно по отдельности, изолировано друг от друга, в связи с чем, последние имеют общие

«исторические корни», поскольку в первых международных нормативных актах право на свободу информации излагалось как составляющая часть права на свободу выражения мнения.

Современный конституционно-правовое содержание права на свободу слова предполагает её определение через установления границ за которые возможность свободно выражать своё мнение («слово») не допускается. При таком подходе право на свободу слова может быть определено как возможность беспрепятственно выражать своё мнение за исключением случаев распространения информации, которая может повлечь общественно-опасные последствия в виде социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Право на свободу слова по своему значению и содержанию следует отнести к основным правам человека.

Право на свободу информации раскрыто посредством перечисления элементов составляющих функциональную сторону деятельности человека и заключается в свободе поиска, получения, передачи, производства и распространения информации всеми способами, которые не запрещены законом. Вопрос установления границ права на свободу информации актуален в «век» информационных технологий, когда процессы создания и распространения информации в значительной степени упрощены и доступны что может быть использовано как средство достижения противоправных целей.

2 Правовые гарантии реализации права на свободу слова и информации в Российской Федерации

2.1 Система конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации

Для того, чтобы рассмотреть конституционные гарантии реализации права на свободу слова и информации, необходимо уяснить, что такое «гарантии» в правовом смысле этого слова.

Например, Е.А. Сарасов отмечает, что применительно к рассматриваемому праву, необходимо учитывать и гарантии общего характера, которые не связаны с юридической составляющей. Это предпосылки и условия, без соблюдения которых полноценная реализация права на информацию, невозможна. К таким, гарантиям Е.А. Сарасов относят политические, экономические, нравственные, духовные и прочие [70, с.112-113].

Вместе с тем, необходимо отметить, что общие гарантии реализации права создают необходимую «среду», в которой способствует реализации такого права, но не являются непосредственным правовым механизмом, воплощения данного права в жизнь. Для этого существуют специальные юридические гарантии, цель которых состоит в обеспечении интересов граждан, связанных с реализацией прав и свобод в информационной сфере.

Е.А. Сарасова определяет юридические гарантии прав и свобод человека как совокупность специальных правовых средств и способов, при применении которых достигается цель в виде реализации прав и свобод человека, осуществляется защита последних и пресекаются их нарушения со стороны последних, осуществляется восстановление нарушенных прав [70, с. 112-113].

Также распространено понимание юридических гарантий как развёрнутой системы институтов и норм материального и процессуального

права. Одним из первых, такое определение предложил В.М. Чхиквадзе [88, с. 264]. Ещё один вариант понимания предлагается П.М. Рабиновичем, который полагает, что правильнее было бы относить к юридическим гарантиям и «определенные нормы права, и основанную на них правоприменительную деятельность, и индивидуальные юридические акты, в которых эта деятельность фиксируется» [19, с .83].

Рассматривая природу юридической гарантии, представляется, что её можно сравнить с принципом действия «сообщающихся сосудов». В общественных отношениях, как это часто случается, индивидуальные права и свободы одного человека сталкиваются с правами и свободами другого человека, возникает ситуация, когда для реализации одного права, неизбежно, возникает необходимость ограничения права другого индивида. Такое же правило действует и при реализации гарантий прав и свобод человека на информацию. Реализация таких прав сопрягается с ограничениями и контролем в отношении органов государственной власти, общественных объединений, их должностных лиц и т.п.

Также, юридическими гарантиями реализации любого права, необходимо признать деятельность уполномоченных государственных органов, в рамках своей компетенции, выявлять и реагировать на нарушения права, применяя, при необходимости, меры юридической ответственности. Кроме того, юридическими гарантиями также выступают установленные процессуальные формы охраны соответствующего права, к которым относятся административно-юрисдикционные производства, а также установленные судебные формы судопроизводств и т.п.

И.Г. Фролова определяет конституционные гарантии свободы массовой информации как совокупность определённых способов и средств, к которым, среди прочего, относятся механизмы защиты и ответственности, которые в реальности, приводят к реализации свободы права на информацию [84, с. 8].

Е.А. Сарасов, основываясь на общетеоретическом анализе юридических гарантий, предлагает следующую классификацию юридических гарантий права на свободу слова и информации:

- 1) позитивные гарантии и негативные гарантии;
- 2) гарантии беспрепятственного создания и распространения массовой информации и гарантии реализации свободы массовой информации надлежащим образом;
- 3) общие гарантии и специальные (юридические) гарантии [70, с. 112].

Далее, с учётом вышесказанного, обратимся к конституционным гарантиям права на свободу слова и информации.

В качестве конституционной гарантии реализации рассматриваемого права, в первую очередь, необходимо указать на содержание ст. 29 Конституции РФ, согласно которой:

- провозглашается гарантия права каждого свободно выражать свои мысли и слова;
- запрещается кому-либо принуждать индивида выражать его мнение или отказаться от него;
- каждому гарантируется возможность свободно искать и получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Характеризуя причисленные гарантии, допустимо предположить, что каждая из них (а они одновременно с этим, являются и свободами) носит относительно обособленный характер. Это означает, что они могут реализовываться как по отдельности, самостоятельно. Так и во взаимосвязи друг с другом. В качестве примера такой обособленности и взаимосвязи, можно указать на правовой институт средств массовой информации (далее – СМИ). Институт СМИ, бесспорно, является важной гарантией реализации права на свободу мысли и слова и права на информацию. В свою очередь, каждая из перечисленных свобод выступает отдельной гарантией для реализации свободы СМИ.

Также необходимо указать, что в Конституции РФ, кроме ст. 29, существуют и другие нормы, которые предусматривают особенности реализации права на информацию. В качестве такого примера, можно указать на право любого субъекта общественных отношений, осуществлять свободный поиск и получение информации в отношении деятельности судебной власти, чему способствует открытый характер установленного в государстве судопроизводства. Данная гарантия предусмотрена в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ.

Следующим примером является право получить достоверную информацию относительно состояния окружающей среды, которое можно понимать как принцип «свободы экологической информации». Данное право предусмотрено ст. 42 Конституции РФ.

Кроме того, в качестве гарантий реализации права на свободу слова и информации выступают и другие предусмотренные в Конституции РФ права. В частности, это право на свободу совести, которое урегулировано с. 28 Конституции РФ, а также право на свободу творчества и свободный доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ).

В качестве конституционных гарантий права на свободу слова и информации также необходимо указать те гарантии, которые, по своей сути, присущи и другим правам и свободам человека.

Речь идёт о возможности применения к деятельности журналистов и СМИ положений ч. 2 ст. 51 Конституции РФ, предусматривающей «свидетельский иммунитет» для отдельных категорий лиц. Свидетельский иммунитет означает предоставление такой категории лиц возможности или даже обязанности не давать свидетельские показания относительно отдельных обстоятельств (например, адвокат в отношении информации, которая стала ему известна в связи с оказанием юридической помощи подзащитному). Применительно к деятельности СМИ в этом вопросе существует правовая неопределённость. С одной стороны, на протяжении длительного времени в законодательстве была предусмотрена обязанность

журналистов и редакторов СМИ сохранять в конфиденциальности источника полученной информации. Данное правило было закреплено, в первом в новейшей истории России законе, (ст. 41, абз. 4 ч. 1 ст. 49 Закона РФ от 27.12.1991 года «О средствах массовой информации» [9]), который действует и в настоящее время. Однако, в основных судопроизводства, в первую очередь, в уголовном и в гражданском в нормах, посвящённых определению категорий лиц, допрос которых не возможен без их согласия или без согласия их доверителей, журналисты не указаны (ст. 56 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации [7] и ст. 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [6]).

Вопрос свидетельского иммунитета для журналистов является не только дискуссионным, но и проблемным, поскольку довольно часто журналисты сталкиваются с необходимостью предоставлять такую информацию сотрудникам правоохранительных органов, при вызове последних для дачи показаний по уголовным делам. Подробней данный вопрос будет рассмотрен в разделе посвящённом совершенствованию правового регулирования права на свободу слова и информации.

В качестве следующей важной конституционной гарантией права на свободу слова и информацию выступает содержащейся в ч. 5 ст. 29 Конституции РФ запрет цензуры. Рассмотрим его подробней.

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что уже в самой Конституции РФ содержится несколько норм, которые вводят ограничения на свободу информации и слова, которые могут пониматься как цензура. Так, это конституционный запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), а также запрет определенных видов агитации и пропаганды (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ).

П.Ю. Поздникин представляет конституционные ограничения права на информацию и свободу слова в виде следующей системы:

а) ограничения общего характера. Данные ограничения, как правило, связаны с запретом злоупотребления правами, границами допустимости осуществления прав и свобод граждан, которые устанавливаются законными интересами и свободами других участников общественных отношений. Это, прежде всего, ст. 13 Конституции РФ, которая предусматривает запрет на установление одной идеологии в государстве, установление принципа политического многообразия и многопартийности, равенства общественны объединений, запрет создания и деятельности объединений, преследующих деструктивные цели. К таким ограничениям также необходимо отнести ст. 19 Конституцию РФ, которая устанавливает равенство всех, запрет дискриминации. Это означает, что при реализации права на свободу информации и свободы слова, данное право не должно быть ущемлено. В ч. 2 ст. 29 Конституции РФ установлен запрет на пропаганду и агитацию ненависти, вражды, любого превосходства.

Особое место среди ограничений прав и свобод граждан занимает ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, в которой говорить о возможности ограничения таких прав и свобод способом принятия федерального закона, однако, только в той мере, в которой это необходимо для достижения цели защиты наиболее важных ценностей: конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

б) ограничения, которые применяются при особых правовых режимах.

К таким правовым режимам относится, например, чрезвычайное положение, возможность введения которого предусмотрена в ст. 56 Конституции РФ. Целью введения чрезвычайного положения, согласно указанной нормы, является организация безопасности граждан и сохранение конституционного строя. В таком случае, допустимо ограничения в отношении деятельности СМИ, которые в обязательном порядке должны иметь свои пределы и сроки действия [56, с. 3-4];

в) ограничения, которые обусловлены особенностями правового статуса особых групп субъектов права и их отношений с обществом и государством. Одним из наиболее распространённых примеров является особый правовой статус лица, признаваемого «общественной фигурой», к получению информации, в отношении которого у общества имеется повышенный интерес [46, с. 16]. П.Ю. Поздникин отмечает, что в таких случаях, как правило, отсутствует отдельное указание в законе на этот счёт, а правомерность тех или иных действий, связанных со сбором и распространением информации и свободой слова такого индивида (право на высказывание мнений) устанавливается в судебном порядке. В свою очередь, суды при принятии соответствующих решений учитывают смысл конституционных положений и установленных стандартов.

Основываясь на этом, Т.Н. Колмакова пришла к выводу о том, что государства наделено правом способом принятия отдельного Федерального конституционного закона, ограничить право на свободу слова применив механизм цензуры [26, с. 56-60]. Данный вывод является спорным, поскольку цензура запрещена безальтернативно, это конституционное предписание, которое не может быть нарушено ни кем и ни при каких обстоятельствах. Однако исключения, которые позволяют в реальности ограничить право на свободу информации и в Конституции и в других нормативных правовых актах имеются и, как показывает практика, довольно часто применимы. Возникает спорная ситуация. При этом прямого нормативного предписания, которое позволило бы утверждать о том, с чем в таком случае мы имеем дело: с цензурой или с отдельными ограничениями права на свободу информации.

Например, ещё в 2000-м году была принята и существовала на протяжении более 15 лет Доктрина информационной безопасности РФ, согласно которой для достижения информационной безопасности общества, гарантировался запрет цензуры [13]. Данная Доктрина утратила свою силу

05.12.2016г. с принятием Указа Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 (далее - Указ № 646).

В свою очередь, Указ № 646 утвердил новую доктрину информационной безопасности [14]. При этом, запрет цензуры в качестве одного из основных постулатов информационной безопасности, запрет цензуры уже не указывался. При этом, указывалось следующее: «Национальными интересами в информационной сфере являются обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации» [14]. Т же ситуация имела место и в Стратегии развития информационного общества в РФ на период 2017-2030 года утверждённой Указом Президента РФ [15]. Относительно последней Стратегии обращает на себя внимание указание на цель в виде свободы выбора средств и способов получения информации, которая должна сочетаться с приоритетом традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей. Ю.Г. Хамнуев и А.Г. Тетерин в связи с этим, приходят к выводу о том, что запрет цензуры в настоящий период для отечественного законодателя не настолько актуален [60, с .34].

Другие учёные высказывают позицию, согласно которой конституционный запрет цензуры должен быть признан безальтернативным только для СМИ, который должен ограничивать возможности законодателя по принятию ограничений цензурного характера в отношении СМИ. Такую позицию, например, высказали Е.В. Тарибо и С.А. Куликова [31, с.34-40], [79, с. 113].

Представляется, что на самом деле имеет место ситуация, связанная с неразрешённостью (отсутствием определённости), в теоретической концепции свободы слова и информации, в части понимания различий между цензурой и ограничениями свободы слова и информации. Отсутствия ясного и однозначного понимания, что такое первое, а что второе, приводит к умалению ценности принципа запрета цензуры. Государство и общество

понимает, что в информационном пространстве могут распространяться крайне деструктивные идеи и информация, само распространение информации, в отдельных случаях, может иметь деструктивное воздействие на общество в целом и на отдельных его индивидов. Предоставлять такой информации свободу обращения в информационном пространстве применив принцип запрета цензуры, значит расписаться в бессилии перед подобными явлениями. В связи с тем, что любое ограничение права на свободу информации определённого рода и вида, воспринимается как цензура, последняя как конституционный принцип уже ставится под сомнение и его «лишний раз» не упоминают в нормативном документе, призванным обеспечить информационную безопасность государства.

Обозначенная ситуация является проблемой, поскольку стремление государства обезопасить общество от деструктивной информации и понимание такого ограничения именно в качестве цензуры, позволяет оправдать цензуру и может привести к значительным перегибам. Подробней проблема цензуры будет освещена в отдельном разделе.

В качестве следующей конституционной гарантии реализации права на свободу слова и информации, необходимо указать положения ст. 13 Конституции РФ, которые закрепляют принцип идеологического и политического многообразия и обеспечивает информационный плюрализм и идеологическое разнообразие средств массовой информации. Данное положение имеет особую юридическую силу, поскольку оно расположено в первой главе Конституции РФ «Основы конституционного строя», и данным положениям не могут противоречить, ни другие главы Конституции РФ, ни какие-либо другие нормативные правовые акты вне зависимости от их юридической силы.

К следующей группе конституционных гарантий необходимо отнести систему мер юридической ответственности, которая следует за нарушение свободы слова и информации. В первую очередь, это ч. 3 ст. 41 Конституции РФ, согласно которой виновные должностные лица должны понести

ответственность, установленную федеральным законодательством за сокрытие обстоятельств и фактов, которые создают угрозу для жизни и здоровья людей. Кроме того, существует общая гарантия судебной защиты прав и свобод человека, которая предусмотрена ст. 46 Конституции РФ [57, с. 114].

В качестве подведения итогов написания данного параграфа, отметим, что в Конституции РФ содержится довольно внушительное число правовых гарантий реализации права на свободу слова и информации. В своём большинстве содержащиеся там гарантии получили своё развитие в системе отраслевых нормативных правовых актов, за отдельным исключением.

В качестве проблемных моментов конституционных гарантий права на свободу слова и информации, необходимо указать наличие неопределённости в вопросе выявления конституционно-правового смысла понятия «цензура» и соответствующего принципа запрета цензуры, его соотношения с установленными ограничениями права на свободу слова и информации. Также остаётся открытым вопрос о допустимости предоставления журналистам и СМИ в целом «свидетельского иммунитета» в отношении источников информации.

В целом, систему Конституционных гарантий права на свободу слова и информации, можно представить следующим образом: общие гарантии (запрет дискриминации, возможность ограничения конституционных прав только в отдельно предусмотренных случаях, гарантии судебной защиты прав и свобод человека и т.п.); специальные гарантии (само право на свободу слова и информации; запрет цензуры; принцип идеологического и политического многообразия, принцип свободы выражения взглядов относительно религиозных убеждений; принцип свободного доступа к информации об окружающей среде и т.п.).

К конституционным гарантиям реализации права на свободу слова и информации также необходимо относить и предусмотренные механизмы их реализации, механизмы предупреждения и реагирования на нарушения

такого права (это деятельность судов, прокуратуры, свобода деятельности общественных объединений).

2.2 Стандарты Совета Европы в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации

Рассматривая стандарты права на свободу слова и информации, установленные в Европе, необходимо понимать, что последние, в качестве своих истоков, положения Всеобщую Декларации прав человека (далее – Декларация). Кстати, именно в данной Декларации и было впервые предусмотрена свобода слова в качестве одного из основных прав человека. Так, согласно ст. 19 Декларации «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Как известно, обозначенная Декларация не является обязательной для государств её участников и носит исключительно рекомендательный характер. Однако авторитет данного документа в сфере защиты прав и свобод человека не пререкаем. Нормы последнего нередко цитируются в судебных решениях в различных правовых системах. Общее признание данного права позволяет использовать ст. 19 Декларации как нормы обычного права. Отмечается, что обычное право на международной арене представляет собой систему правил поведения, которые основаны на неписаных обычаях, которые установлены не органам государственной власти, однако были выработаны как норма поведения в определённой сфере общественных отношений в течение длительного времени и получили общее признание [42].

В последствии, международные стандарты защиты права на свободу слова и информацию, получили своё развитие в Международном Пакте о гражданских и политических правах [3] (далее – Пакт). В Пакте, формулировка права на свободу выражения мнений в ст. 19 была представлена в следующем виде:

1. «Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных».

В дальнейшем, стандарты защиты прав и свобод человека, наши своё развитие в Заключительном Акте Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе [27, с. 12]. В данном документе имеется декларативное положение, которое, однако, нашло своё практическое воплощение в последующих действиях. В частности, указывается, что государства-участники задекларировали поощрение и развития эффективной реализации гражданских и других прав и свобод, которые необходимы для свободного и полного развития личности. Важным является также взаимосвязь данного акта с Декларацией прав и свобод человека, об этом, специально было указано в документе.

Также, необходимо указать, что в Постоянном Совете ОБСЕ в 1997 году, действует представитель ОБСЕ по вопросам свободы слова и массовой информации. Целью деятельности данного представителя является мониторинг происходящих событий в данной сфере и своевременно оповещать государство о выявленных нарушениях свободы слова. Также в компетенцию представителя ОБСЕ входит прямое общение с государствами-участниками ОБСЕ по возникающим проблемным вопросам в сфере реализации свободы слова и информации. При необходимости, такой представитель предоставляет письменные рекомендации.

Стандарты права на свободу слова и информации, по своему содержанию представляет собой то, как именно необходимо понимать соответствующее право и его содержание. Отмечается, что исходя из ст. 19 Декларации и ст. 19 Пакта, рассматриваемое право является сложным и включают в себя 6 аспектов:

1. «Каждый человек имеет право...». Данная формулировка означает всеобщность и неотъемлемость данного права. Оно принадлежит каждому без исключения, не допускаются любые возможные ограничения по каким-либо признакам.

2. «...искать, получать и распространять...». Распространять информацию и собственные идеи или идеи других лиц, являются наиболее очевидным элементом свободы слова. Данное право включает в себя возможность говорить о том, что знаешь и что думаешь как в частной беседе, так и в процессе публичных мероприятий, при использовании средств массовой коммуникации. Обратная сторона данного права заключается не только в возможности сообщать и распространять информацию, но и право на доступ к такой информации. Человек должен иметь возможность доступа к максимально широкому спектру мнений и идей.

Одной из последних тенденций является распространение данного права и возможность получения гражданином доступа к информации, которая храниться у государственных органов в отношении данного гражданина, а также сведения в отношении других процессов, доступ к которым, в качестве исключения, не был ограничен государством в публичных интересах.

3. «...информацию и идеи...». Право на доступ к идеям и информации заключается в возможности доступа не только собственно к «идеям», но и к любой информации, к любым фактам и убеждениям, которые могут быть распространены между другими лицами. На это отдельно указывает комитет по правам человека ООН.

Ч. 2 ст. 19 Пакта подлежит пониманию как такая, которая охватывает любые формы субъективных идей или мнений. Такая информация и идеи могут распространяться на любых носителях информации, в т.ч. коммерческого и рекламного характера, произведения искусства в любой форме, при помощи средств политического, культурного или художественного выражения [83].

В различных решениях по спорам связанным с нарушением права на свободу слова и информации, отмечается, что возможность распространения и получения информации, распространяется на такие формы общения, как устная и письменная речь, язык жестов, любые средства невербальной коммуникации, в т.ч. изображения и предметы искусства[83]. Способами выражения могут являться книги, газеты [84], брошюры [85], афиши, баннеры [86], форма одежды и материалы, не запрещенные законом [87]. Также, выражение собственного мнение и распространение информации могут быть осуществлено в виде аудиовизуальных, электронных и других средствах их выражения, которые основаны на интернет-технологиях [88].

Также принято считать, что в рассматриваемом аспекте, право распространяется на любую информацию, в т.ч. на сведения, которые могут быть оценены в качестве противоречивых, неверных и шокирующими. То обстоятельство, что любая из идей является ошибочной или оценивается негативно, не оправдывает любые ограничения на распространение такой информации [89].

4. «...независимо от государственных границ...» Данная формулировка применяется как в Декларации, так и в Пакте. Это означает, что право свободно выражать своё мнение не может быть ограничено территорией одного определённого государства. К обязанностям государства относиться право искать, получать и распространять информацию не только на территории государства-принадлежности, но и за его пределами.

5. «...любыми средствами...». Считается допустимым и гарантированным выражение своего мнения любыми доступными

средствами, как принятыми традиционно, так и при помощи современных технологий (сюда могут относиться газеты, журналы, книги, брошюры, радио, телевидение, «Интернет», произведения искусства, участие в публичных собраниях и т.п.).

б. «...уважать и обеспечивать...». Такая обязанность возлагается на государство и заключается не только в обязанности негативного характера, но и позитивного. Государство должно поощрять проявления свободы слова и свободного распространения информации, а также поддерживать такие проявления. На эту обязанность указывается в ст. 2 Пакта, согласно которой, все государства являющиеся участниками данного Пакта обязаны обеспечить возможность реализации предусмотренных в этом Пакте прав.

В настоящий момент, для отечественной правовой системы, является распространённой практика Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ), которым принимается множество решений в отношении России.

ЕСПЧ в своей практике применяет положения Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод [4] (далее – Конвенция). В указанном документе рассматриваемое нами право обозначено как «свобода выражения мнения» и закреплено в ст. 10. Содержание данного права в полной мере соответствует стандартам, установленным в вышерассмотренных Декларации и Пакте.

Рассматривая вопросы применения установленных стандартов в отечественной правовой системе, в первую очередь, отметим, что с одной стороны в отечественном законодательстве, в частности, в основных видах судопроизводств, решение ЕСПЧ указано в качестве одного из оснований для пересмотра дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Кроме того, отечественные суды активно применяют положения Конвенции и других перечисленных в данном параграфе международных документов в сфере прав и свобод человека, при рассмотрении дел. В своём большинстве, это гражданские дела о диффамации, предметом которых является разбирательство по заявленным требованиям о посягательстве на

честь, достоинство и деловую репутацию человека в связи с опубликованными информационными материалами.

В качестве примера можно указать на рассмотренный в обзоре судебной практик Верховного суда РФ [90], пример, согласно которого в одной из социальных сетей была опубликована информация, якобы о незаконных схемах ведения предпринимательской деятельности, связанных с коррупционными проявлениями. Лицо, в отношении которого была опубликована такая информация обратилось за защитой своей деловой репутации в суд. Суд первой инстанции в удовлетворении требований отказал. Суд апелляционной инстанции в своём определении [91] отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение. Аргументируя своё решение, суд апелляционной инстанции сослался как на ст. 10 Конвенции, так и на прецедентное решение ЕСПЧ 1986 года «Лингенс против Австрии» [81], а также дело 2005 года «Гринберг против Российской Федерации» [82], согласно которых суд, признавая за автором информации право в части высказывания оценочного суждения, вместе с тем, обратил внимание на необходимость проведение тщательного разграничения между таким оценочным суждением и утверждением о каком то событии как об установленном факте.

В последнем случае, достоверность утверждения может быть проверена, а значит требует от автора информации, обоснования. В случае высказывания суждения оценочного характера, последние далеко не во всех случаях могут быть проверены, однако в любом случае, оценочные суждения должны быть мотивированы. В рассматриваемом случае как раз имело место утверждение, без обоснование какими-либо доводами и информацией.

Таким образом, мы можем наблюдать, что международные стандарты защиты права на информацию и права на свободу слова применяются не только в виде решений ЕСПЧ или соответствующих рекомендаций ОБСЕ, решений комитетов ООН, но и самостоятельно отечественными судами при разрешении споров и дел соответствующей категории.

Вместе с тем, в данной ситуации есть аспект, который воспринимается частью научного сообщества в качестве проблемного и дискуссионного. Речь идёт о том, что в 2015 году Конституционным Судом РФ было принято решение, краткий смысл которого сводится к тому, что в случае противоречия решению ЕСПЧ по делу против России, положениям Конституции РФ, такое решение не подлежит применению в отечественном правовой системе. Иными словами, установлено верховенство Конституции РФ, над любыми международными договорами и обязательствами нашего государства. Речь идёт о постановлении КС РФ от 14.07.2015 г. № 21-П [65]. Таким образом, постановления ЕСПЧ подлежат реализации в рамках российской правовой системы только при условии признания высшей юридической силы Конституции РФ.

Также необходимо указать на общую ситуацию, связанную с тем, что Россия входит в «топ» стран по неисполненным решениям ЕСПЧ. По состоянию только на конец 2015 года таких решений насчитывалось 1549 [59, с .463].

Оценивая такую ситуацию К.М. Худолей, отмечает, что усилия КС РФ связаны с построением модели соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного законодательства, как взаимосвязанных, но, всё-таки, независимых друг от друга правовых систем. Такое соотношение, по мнению учёного, отражают фундаментальные положения науки международного права как «дуалистической теории, которая трактует международное и национальное право, как два самостоятельных, несоподчиненных, но взаимодействующих правопорядка со своими собственными предметом, субъектами, источниками и иными особенностями» [38, с. 49-54].

В подведение итогов настоящего параграфа, необходимо констатировать важность и значимость международных стандартов в области защиты права на свободу слова и информации. Такие стандарты были выработаны в результате длительного осмысления важности и значимости

информационной составляющей для развития и становления демократического общества. Для тех правовых систем, которые только развивались, они имеют важное значение в аспекте их заимствования и повышения качества собственной правовой системы. Сравнительный анализ стандартов Совета Европы в области права на свободу слова и информации с отечественными, позволяет утверждать, что отечественные стандарты вполне соответствуют европейским.

Исключительно положительно должно быть оценена распространившаяся в настоящее время практика, согласно которой отечественные суды при рассмотрении споров, связанных с реализацией права на свободу слова и информации, отечественные суды аргументируют свои решения ссылками на Конвенцию 1950 г. и прецедентные решения ЕСПЧ.

3 Правовой механизм реализации и защиты права на свободу слова и информации

3.1 Система защиты права на свободу слова и информации

В диссертационном исследовании М.А. Дубровина защита права на свободу слова и информации определена как деятельность уполномоченных органов, которая осуществляется в предусмотренном порядке и которая осуществляется в связи с осуществлённым посягательством, которое повлекло нарушение данного права или может повлечь его в будущем [25, с. 22-23].

Целью защиты рассматриваемого права должно быть недопущение посягательства на него (предупреждение), прекращение его нарушения (пресечение), восстановление нарушенного права до состояния, которое предшествовало посягательству на него, наказание лиц, виновных в посягательстве (привлечение к установленной юридической ответственности, если таковая предусмотрена), т.е. профилактика. Также в результате деятельности по реализации на практике мер защиты права на свободу слова и информации, у субъекта защиты нарабатывается необходимый опыт по установлению причин и условий, которые способствовали совершению нарушения права, а значит, последней стадией защиты права на свободу слова и информации, должно быть устранение причин и условий, который способствовали нарушению данного права.

Существуют различные варианты классификации способов защиты права на свободу слова и информации. Как правило, они совпадают со способами защиты других конституционных прав граждан.

Так, в учебном пособии по конституционному праву [44, с. 168-169] приводится следующий вариант системы защиты прав и свобод граждан:

- 1) государственная защита;

- 2) обращение к уполномоченному по правам человека РФ или субъекта федерации;
- 3) деятельность органов местного самоуправления;
- 4) защиту прав и свобод общественными объединениями, правозащитными организациями;
- 5) самозащиту прав и свобод человека и гражданина;
- 6) обращения в международные органы по защите прав человека.

Предлагаемую систему средств и способов защиты прав и свобод человека, условно, можно назвать «институционной», поскольку в большей степени при делении видов защиты применён критерий «инстанции» или субъекта, который осуществляет такую защиту. Хотя и данное предположение не вполне верно. Например, уполномоченный по правам человека как на федеральном, так и на региональном уровне является ничем иным, как органом государственной власти (должностным лицом государства, государственным служащим). Представляется, что, исходя из критерия «субъекта» защиты права на информацию, он вполне может быть отнесён к государству.

Выделение такого вида защиты права на информацию, как «самозащита» вполне закономерно, поскольку человек по смыслу конституционных предписаний и других законодательных актов, например, ст. Гражданского кодекса РФ, наделён правом защищать свои права и законные интересы всеми не запрещёнными законом способами. Однако дискуссионность данного элемента защиты права на информацию и свободу слова состоит в определении действий, которые к нему относятся. Например, с одной стороны, инициативное обращение гражданина к тому же Уполномоченному по правам человека по факту, имевшего места нарушения свободы слова, с одной стороны является самозащитой, поскольку человек использует предоставленную ему возможность. С другой стороны, данное обращение порождает возникновение особого юридического процесса, который заключается в совершении уполномоченным или его аппаратом

юридически значимых действий, направленных на проверку сообщений и, при необходимости, восстановление нарушенного права, привлечение виновных лиц к предусмотренным мерам ответственности. То же самое относится и к обращению гражданином в суд или в другие правоохранительные органы. В связи с этим, представляется, что к способам самостоятельной защиты гражданином своего права на свободу слова и информации, необходимо относить все иные не запрещенные законом способы защиты, которые не связаны с прямым обращением в органы государственной власти, в органы местного самоуправления, в международные инстанции и т.п.

Также, систему защиты права на свободу слова и информации можно представить в виде уровней: уровень органов федеральной власти; уровень субъектов федерации, муниципальный уровень и международный уровень [44, с.168].

М.А. Дубровина предлагает следующую систему защиты права на свободу слова и информации: защита прав государством (в совокупности с международными средствами защиты); общественная защита и самозащита права [25, с. 22]. Данная классификация представляется наиболее простой для понимания и оптимальной. Именно она и будет взята за основу в ходе дальнейшего анализа.

Государственная защита. Государственная защита представляется наиболее действенным и оптимальным способом защиты. В первую очередь, обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно обеспечение прав и свобод человека являются основной задачей (функцией) государства. Данный вывод прямо следует из содержания ст. 2 Конституции РФ. Исходя из данного положения, на государство возлагается обязанность обеспечить функционирование действенного механизма реализации, охраны и защиты всех без исключения прав и свободы человека, в том числе «информационных прав». В настоящий момент, государственный механизм защиты права на свободу слова и информации представлен в виде органов

законодательной власти, исполнительной и судебной власти, главы государства, прокуратуры.

Гарантом прав и свобод человека и гражданина в России выступает Президент РФ, что предусмотрено в ст. 80 Конституции РФ. Об этом свидетельствует и практика, поскольку довольно существенная часть вопросов, связанных с разрешением проблемных ситуаций защиты прав и свобод человека и гражданина решается на уровне Президента РФ или его аппарата.

Также, важное значение имеет деятельность Прокуратуры РФ, которая, наряду с судом, являются единственными правоохранительными органами государства, предусмотренными в Конституции РФ (ст. 129 Конституции РФ). Согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ», прокуратура выполняет функцию по надзору «за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ» [10]. Согласно указанному федеральному закону, должностные лица органов прокуратуры наделены компетенцией по реагированию на обращения граждан о нарушении их прав и свобод по результатам которых могут быть вынесены акты прокурорского реагирования (требования, представления), которые обязательны к исполнению. Также, органы прокуратуры уполномочены обращаться в суд в целях защиты прав и законных интересов отдельных категорий граждан, а также в случаях, когда этого требует общественный резонанс.

В систему государственной защиты прав и свобод человека также входят деятельность правоохранительных органов, которые уполномочены выявлять и расследовать правонарушения, связанные с нарушением права на свободу слова и информации или установленных в этой сфере запретов и ограничений. Например, ст. 5.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [8] (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за нарушение порядка участия СМИ в информационном обеспечении выборов, ст. 5.26 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение законодательства о свободе совести и

вероисповедания и многие другие. Таким образом, в систему государственных органов, осуществляющих защиту рассматриваемого права, должны быть отнесены те органы, в компетенцию которых входит составление административных протоколов по соответствующим правонарушениям и привлечения их к ответственности.

Ответственность за нарушение права на свободу информации и свободу слова также может наступить по нескольким статьями УК РФ. В первую очередь, это ст. 140 УК РФ, которая предусматривает ответственность за непредставление, отказ в предоставлении, предоставление не в полном объёме информации в отношении гражданина, который её запрашивает, или предоставление заведомо ложной для должностного лица, предоставляющего информацию. Также за нарушение рассматриваемых прав может наступать уголовная ответственность по ст. 136 УК РФ за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина. Применительно к деятельности СМИ необходимо указать на ст. 144 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование законной деятельности журналиста.

В качестве примера уголовно-наказуемого воспрепятствования законной деятельности журналиста можно привести апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.12.2017 года по делу № 22-8747/2017 [92], которым были рассмотрены жалобы двух осуждённых по ч. 2 ст. 144 УК РФ лиц. Обстоятельства дела заключались в том, что в 2016 году в г. Свердловске корреспондент и оператор телеканала ОО УОТК «Ермак» в целях подготовки репортажа в части проверки информации о некачественном ремонте автомобиля прибыли в одно из авторемонтных предприятий. При попытке взять комментарий по данному поводу, два сотрудника данного предприятия нанесли корреспондентам удары руками и ногами по голове и туловищу, попытались завладеть телеаппаратурой, причинив последней ущерб. Оба осуждённых получили наказание в виде 1 года и 6 месяцев лишения свободы. Свердловский областной суд не

согласился с доводами апелляционных жалоб и оставили решение суда первой инстанции в силе.

Особенным государственным субъектом, который наделён компетенцией по защите прав и свобод граждан в том числе, права на свободу слова и информации, выступает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Его деятельность урегулирована специальным конституционным законом.

Результаты деятельности Уполномоченного по правам человека отображаются в его ежегодном докладе. Согласно опубликованного доклада за 2019 год [26], проблема защиты свободы мысли и слова приобретает всё большую актуальность не только в России, но и во всём мире.

В подтверждение этого, Уполномоченный приводит результаты социологических исследований, согласно которых процент опрошенных соотечественников, которые посчитали свободу слова как одну из наиболее важных ценностей в 2019 году составила 24% (в 2018 году – 20 %). Что касается источников информации, то чаще всего граждане получают её посредством деятельности телевизионных СМИ и новостных сайтов в сети «Интернет». При этом, «Интернет» как источник информации постепенно увеличивает свою долю: по итогам 2019 года доля россиян, которые получали новостную информацию преимущественно в сети «Интернет» составляло 45% (в 2017 году – 41%).

Ещё одной тенденцией в рассматриваемой сфере является рост числа респондентов, которые не доверяют или ставят под сомнение достоверность информации, получаемой из СМИ (с 24% в 2018 году до 31 % в 2019 году). По мнению Уполномоченного по правам человека «критичное отношение к информации из СМИ обуславливает необходимость повышения качества новостного контента, укрепления независимости СМИ, обеспечения профессиональных прав журналистов» [26].

Что касается обращений к Уполномоченному по правам человека относительно нарушений права на информацию и свободу слова, то большая

часть из них касалась профессиональной деятельности журналиста (18 сообщений). Часть их них была связана с воспрепятствованием профессиональной деятельности российских журналистов за рубежом (Украина, Литва и некоторые другие государства). Из нарушений прав журналистов внутри страны, Уполномоченным были отмечены ситуация с увольнением главного редактора газеты «Урюпинская правда» Шушлебиной О. в связи с неправильным размещением фотографии различных политиков, увольнения журналистов издания «Коммерсантъ», обвинение в распространении наркотиков журналиста Голунова И. [26]

Обращение в международные правозащитные органы. Деятельность государства по защите права на свободу слова и информации дополняется существованием международных институций. Это, прежде всего Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), Совет по правам человека ООН, комитет ЮНЕСКО по конвенциям и рекомендациям и другие возможные институции.

За весь 2019 год в отношении России было принято 19 решений по вопросам свободы слова и реализации права на информацию. Во всех перечисленных делах ЕСПЧ усмотрел нарушение ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, общая сумма назначенной компенсации составила 40 611 евро. Довольно существенная часть обращений журналистов, а именно, шесть были связано с рассмотрением в отношении последних в судах исков о диффамации (ответственность за распространение порочащих сведений) [75-82].

Одно из самых важных функций по защите прав и свобод выступает деятельность судов по отправлению правосудия.

В систему органов, которые обеспечивают защиту права на свободу слова и информацию, принято относить и муниципальные органы. Согласно ч. 1 ст. 130 Конституции РФ, местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

Представляется, что в силу своей специфики, деятельность муниципальных органов не является столь результативной в вопросах обеспечения права на свободу слова и информацию.

Важное значение для защиты прав человека в государстве играют общественные объединения в сфере свободы слова и информации и правозащитные организации в целом. Основы деятельности таких организаций предусмотрены в Конституции РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, каждому гражданину предоставлено право объединяться и создавать профессиональные союзы в целях защиты общих интересов, предусмотрены гарантии для свободной деятельности общественных объединений. Такие союзы и объединения могут оказывать помощь в защите нарушенного права не только способом проявления социальной активности, но и, например, способом оказания квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ).

Последним в рассматриваемой системе способов защиты права человека на свободу слова и свободу, выступает самозащита гражданином своих прав самостоятельно. Это, например, могут быть обращение гражданина в СМИ, публичное выступление, участие в митингах, шествиях и пикетированиях. В данном случае действует главный принцип, который предоставляет гражданину возможность защиты своих прав и свобод любыми не запрещёнными законом способами. Так, согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В соответствии со ст. 31 Конституции РФ, граждане «имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

Ещё одним способом самозащиты может выступать обращение гражданина в органы государственной власти и местного самоуправления, в учреждения, предприятия и организации независимо от формы собственности. Порядок таких обращений предусмотрен ФЗ от 02.05.2006 №

59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [12].

В подведение итогов настоящего параграфа, отметим, что реализация и защита права на информацию, в большой степени зависит от государства, от принимаемых им законов, от деятельности компетентных органов. Однако, нередко государство и деятельность отдельных государственных органов и чиновников становится объектом критики, что может привести к тому, что государство будет всячески, допустимыми и недопустимыми средствами противодействовать такой критике и субъектам, которые её осуществляют, препятствуя тем самым реализации права на свободу слова и распространения информации. Также, государство, чиновники, составляющие государственный аппарат, будучи не заинтересованными в предании огласке информации об их деятельности негативного характера, могут препятствовать участникам информационных отношений, в доступе к ней.

Все обозначенные обстоятельства говорят о том, что хоть государство и выступает основным гарантом реализации и защиты права на свободу слова и информации, деятельность последнего должна быть дополнена и другим элементами. В первую очередь, это международные инстанции, которые позволяют контролировать работу отечественной правовой системы. Кроме того, важное значение, в связи с этим, приобретает деятельность общественных объединений целью которых является защита прав и свобод человека. Не менее важна также личная активность граждан, как основных «потребителей» права на свободу слова и информации. Наличие у участника правоотношений (гражданина) высокого уровня правового осознания и правовой культуры, активной позиции в части защиты своих прав и интересов, в целом, может позитивно сказаться на состоянии реализации данного права в государстве.

3.2 Правовые позиции Конституционного Суда РФ в области защиты права на свободу слова и информации

Ранее нами уже было установлено, что одной из гарантий реализации права на свободу слова и свободу информации является предусмотренная ст. 46 Конституции РФ, гарантированная возможность всех без исключения на обращение в суд за защитой нарушенного права. Одной из доступных форм защиты права выступает конституционное правосудие, которое осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) являющимся единственным органом конституционного контроля и преследующий в своей деятельности целью проверку на соответствие положениям Конституции других нормативных правовых актов. Особое значение для регулирования общественных отношений складывающихся в связи с реализацией права на свободу слова и информации, играет непосредственный характер действий решений КС РФ, которые не требуют дополнительной легитимации [21, с. 440].

В процессе такой проверки, которая осуществляется по обращениям уполномоченных субъектов (ими могут выступать как отдельные граждане, так и их объединения, депутаты и т.п.), КС РФ вырабатывает правовые позиции, которые являются результатом осмысления и толкования содержания конституционных норм. Фактически такие позиции относительно толкования и понимания содержания Конституции РФ, учитывая обязательный характер самих решений, становятся и обязательными для применения в других аналогичных случаях.

Отдельные учёные, указывая на такое свойство решений и правовых позиций КС РФ даже придают им «нормативное» значение, поскольку они носят общеобязательный характер и могут применяться к неограниченному количеству случаев, т.е. обладают признаками многократности применения. На такое свойство решений КС РФ указывает Л.А. Ломакина, которая к тому же характеризует отдельные решения КС РФ как прецедентные [39, с. 164].

Комментируя данную позицию, необходимо согласиться с тем, что юридическая сила решений КС РФ в отечественной правовой системе, по сути, слабее только самой Конституции РФ и превосходит все остальные возможные нормативные правовые акты (в т.ч. федеральные конституционные законы). Вместе с тем, сам по себе КС РФ не наделён полномочием создавать новые нормы права, а значит, его решения не могут иметь нормативный характер. По своей сути они являются некоторым «продолжением» норм Конституции РФ в части их расширенного толкования и понимания того, как именно их надо применять к регулируемым общественным отношениям. Также представляется правильным понимание того, что фактически КС РФ призван исправлять ошибки и недочёты законодателя в части соответствия принимаемого им законодательства положениям КС РФ.

Одно из первых дел, которое было рассмотрено КС РФ являлась как раз жалоба журналистов газеты «Известия», которая касалась постановления Верховного Совета РСФСР от 17.07.1992 года «О газете «Известия» [66]. КС РФ по результатам рассмотрения дела признал данное постановление таким, которое не соответствует Конституции РФ. В качестве оснований, было указано на следующее:

- Верховный совет своим постановлением признал учредительные документы газеты «Известия» такими, которые не соответствуют действующему законодательству и обязал редакцию газеты изменить учредительные документы и пройти обязательную государственную регистрацию. Данная норма постановления, КС РФ была признана не соответствующей Конституции, поскольку такое решение могло быть принято только судом в порядке, Установленном гражданским судопроизводством. Таким образом, Верховным советом в рассматриваемом случае были присвоены полномочия суда, а значит, нарушен принцип разделения властей;

- в оспариваемом постановлении было принято решение поручить Министерству печати и информации РФ принять предусмотренные законодательством меры к государственной регистрации данной газеты. Таким решением, как посчитал КС РФ, Верховный Совет превысил свои полномочия и вторгся в сферу деятельности органа исполнительной власти.

Также, в указанном решении КС РФ, последний заключил, что Верховным Советом фактически был принят не нормативный акт, а акт индивидуального действия, который, среди прочего, ограничил право на деятельность СМИ, поскольку остановил возможность издания печатного СМИ. Такие действия были восприняты как посягательства на свободу СМИ, которые могли привести к зависимости данного печатного издания от Верховного Совета и органов исполнительной власти.

В качестве следующей позиции КС РФ, рассмотрим Постановление КС РФ от 14.11.2005 г. № 10-П [75], в котором была дана оценка конституционности положений пп. «б», «в», «г», «д», «е», «ж» п.2 ст. 48, п.5 ст. 45 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [11]. В ходе рассмотрения дела, КС РФ были разъяснены соотношение таких терминов, как «предвыборная агитация» и «информирование избирателей» в деятельности СМИ и указал, в каких случаях свобода слова в период предвыборного процесса, может быть ограничена.

В данном решении было указано, что деятельность СМИ в период избирательного процесса должна соответствовать критериям свободы, объективности, достоверности, соблюдать принципа равенства кандидатов и объединений избирателей, их блоков. При этом, «предвыборная агитация» должна включать в себя действия, которые имеют своей целью побуждение избирателя отдать свой голос за или против определённого кандидата, кандидатов или их списков. Такая деятельность может осуществляться самим кандидатом, избирательным объединением, избирательным блоком как

самостоятельно, так и с привлечением других лиц с соблюдением отдельных требований законодательства.

Также, в рассматриваемом решении указывается, что и информирование и агитация могут побудить избирателя проголосовать за или против определённого кандидата, сделать другой выбор.

При этом, в решении указывается, что как агитация, так и информирование любого характера могут побудить избирателей сделать тот или иной выбор. В частности, информирование избирателей о кандидате, предоставление достоверной информации о нём также в значительной мере формируют у избирателя представления о таком кандидате. В связи с этим, агитация и информирование, согласно позиции КС РФ, могут быть различены только наличием в последнем случае специальной цели – склонение избирателя в определённую сторону, обеспечение поддержки или противодействие конкретному кандидату или избирательному объединению. Стирание такой цели привело бы к тому, что любая публикуемая СМИ информация (информирование) признавалась бы агитацией, что являлось бы ограничением реализации права на свободу слова и информации, а также нарушало бы принцип свободных и гласных выборов. Механизм установления наличия цели у автором публикации, связанной с агитацией, в случае возникновения спора, заключается в применении судебного порядка разрешения спора.

Также, важное значение приобретает разъяснение КС РФ относительно того, что распространение в СМИ информации негативного характера в отношении кого-либо из кандидатов, не будет признано агитацией, если в судебном порядке не будет установлено, что авторы публикации или редакция СМИ преследовали своей целью осуществление именно агитации (что публикация была направлена на поддержку или на противодействие определённому кандидату).

Таким образом, положения указанного ФЗ регулирующего избирательные правоотношения в части норм об агитации и информировании

были призваны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в которой они ограничивают права СМИ на предоставление информации о кандидатах, об избирательных объединениях и блоках любого характера, которая не преследует своей целью агитацию. Ограничения деятельности СМИ в таких случаях создаёт нарушение положений ч.ч. 1,3,5 ст. 29 Конституции РФ) [28].

Председатель КС РФ В.Д. Зорькин, комментируя данное решение, отмечал, что при его принятии КС РФ были учтены не только положения Конституции РФ, но и международные стандарты в данной сфере свободы слова. До указанного решения, СМИ даже были ограничены в возможности распространять информацию о том, что определённый кандидат был задержан при получении взятки или уличён в других противоправных действиях [71, с. 7].

В других постановлениях КС РФ также неоднократно подчёркивалась важность свободы слова и свободы выражения мнений для проведения предвыборных компаний. Так, в Постановлении от 16.06.2006 года указывалось, что если при проведении выборов, не была обеспечена свобода дискуссии и не были созданы условия, которые необходимы для осуществления свободного обмена мнениями не только между кандидатами и другими участниками политического процесса, но и между обычными гражданами, такие выборы не могут быть признанными свободными а образованные по их результатам государственные органы, также не могут быть признаны легитимными [73].

Исходя из установленного КС РФ понимания смысла конституционных предписаний, можно сделать выбор о том, что создание необходимых условий является именно обязанностью государства. Такие условия должны не только провозглашаться в законодательстве, но и быть реализованы на практике в ходе избирательного процесса при помощи конкретных действенных правореализационных механизмов. Эти механизмы должны предусматривать, среди прочего, и пресечение и предупреждение нарушений избирательных прав, неправомерных и необоснованных препятствий

реализации права на свободу слова и свободу выражения собственных мнений, надлежащую реакцию со стороны государства на такие факты.

Уже упомянутый председатель КС РФ В.Д. Зорькин указывал, что при установлении содержания и смысла конституционно-правовых предписаний, высшим органом конституционного контроля в качестве дополнительных доводов в пользу дела по результатам этого выводов, используются европейские и общемировые стандарты прав и свобод человека, которые в значительной степени «обогащают» отечественную правовую систему и правовую культуру [28, с. 9-10], [27, с. 53], [54, с. 252-254].

Признавая важность и значимость международных стандартов в сфере защиты прав и свобод человека, в том числе, права на информацию, необходимо всё-таки понимать, что, не смотря на то, что решения, например, Европейского суда по правам человека могут иметь своим следствием пересмотр дела разрешённого отечественными судами, то в отношении решений КС РФ, такие последствия отсутствуют. В этом аспекте, для отечественной правовой системы, решение КС РФ имеет большую юридическую силу, чем решение Европейского суда по правам человека.

Ещё одним важным вопросом, который рассматривался КС РФ, являлось конституционность ограничений на свободу получения информации о ходе судебного заседания в тех случаях, когда принимается решение о проведение его в закрытом режиме. С данным вопросом в КС РФ обратилась группа журналистов г. Волгограда, которыми оспаривалась конституционность п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Положения данной нормы, по мнению группы журналистов, позволяют суду принять ничем не мотивированное решение на собственное усмотрение о проведении любого заседания в закрытом режиме без какой-либо ссылки на конкретные фактические обстоятельства. Такая возможность, по мнению заявителей, противоречила положениям ст.ст. 17, 19, 29, 55 и 123 Конституции РФ.

В принятии данной жалобы к производству КС РФ было отказано [74]. По мнению органа конституционного контроля, данная норма закона не

нарушает права журналистов и общества в целом на свободный поиск, получение и распространение информации, поскольку данное право гарантируется в Конституции РФ только в определённых пределах. Такими пределами, в свою очередь, выступают другие права и законные интересы (другие конституционные ценности). Такими ценностями, среди прочих, выступают гарантирование права на достоинство личности, тайну личной жизни, личную и семейную тайну, право на доброе имя человека и прочие подобные ценности (такие конституционные ценности предусмотрены ч. 1 ст. 21; ст. 23; ч. 1 ст. 24; ч. 4 ст. 29; ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

В связи с этим, в каждом конкретном случае, судам предоставлено право с учётом особенностей дела принимать решение о проведении судебного разбирательства в открытом или в закрытом режиме. Любое решение суда должно быть мотивированным и обоснованным. Принятие судом немотивированного или необоснованного решения в любом случае противоречит процессуальному закону и создаёт предпосылки для его отмены, однако само положение УПК РФ, которое предоставляет суду право принять решение о проведении закрытого судебного заседания вполне соответствует принципу пределов осуществления права, который заключается в необходимости охраны других конституционных ценностей.

Согласимся с данным выводом суда, лишь отметив, что в таком случае в процессуальном законодательстве должен быть предусмотрен соответствующий порядок контроля со стороны вышестоящей судебной инстанции за законностью и обоснованностью принятия такого решения. При этом необходимо учитывать, что возможность придания судебному процессу гласности, распространения информации о ходе и результатах судебного процесса, во многом, предупреждает возможность коррупционных проявлений в судебной системе принятия необоснованных и незаконных решений.

Аналогичные выводы были сделаны КС РФ и в отношении конституционности ст.ст. 297 и 298 Уголовного кодекса РФ,

предусматривающие уголовную ответственность за проявление неуважения к суду или клевету в отношении следователей, дознавателей, судей, судебных приставов. Указывалось, что реализация права на свободу слова и информации не может иметь место в целях совершения противоправных действий.

Примечательно, что в качестве дополнительной аргументации КС РФ сослался на ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой, реализация права может быть поставлена в зависимость от определённых формальностей и условий, которые необходимы для демократического общества [74]. Такие нормы, носят характер специальных ограничений, применяемых в отдельных случаях в целях контроля за тем, чтобы реализация определённого правомочия не приводила к нарушению других права и свобод.

Таким образом, отметим, что правовые позиции КС РФ, которые выработаны последними в решениях относительно различных аспектов реализации права на свободу слова и информации, играют важнейшее значение в качестве основных ориентиров понимания различных спорных вопросов в данной сфере. Важным аспектом является то обстоятельство, что КС РФ в своих решениях, как правило, применяет дополнительную аргументацию в виде устоявшихся и общепринятых международных стандартов в сфере прав и свобод человека. Вместе с тем, сами решения КС РФ имеют значительно большую юридическую силу и не могут быть отменены или пересмотрены в связи с принятием противоположных по своему содержанию решений ЕСПЧ.

3.3 Основные направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации

В рамках данного параграфа рассмотрим отдельные направления возможного совершенствования законодательства о защите права на свободу слова и свободу информации. Как правило, вопросы возможного установления дополнительных гарантий защиты рассматриваемого права, являются дискуссионными.

Одно из возможных направлений, это предоставление гарантий журналистам не привлечения к уголовной ответственности за неразглашение данных об источниках полученной информации.

Как уже указывалось, в соответствии с абз. 4 ч. 1 ст. 49 Закона о СМИ, на отечественных журналистов возложена обязанность сохранить конфиденциальность информации и её источника. Одновременно с этим, существует всем известное конституционное положение о том, что отдельными федеральными законами могут быть установлены случаи так называемого «свидетельского иммунитета», который заключается в запрещении допросов в качестве свидетелей определённой категории лиц в отношении определённой категории вопросов. В связи с этим, возникает предположение о том, что положение ФЗ о СМИ, которое обязывает сохранять в тайне источник полученной информации, как раз и является таким случаем.

Как показала многолетняя практика, это совсем не так, поскольку случаи свидетельского иммунитета, а именно запрета вызовов и допросов в качестве свидетелей определённых категорий лиц, предусматривается в нормативных правовых актах, которые регулируют порядок судопроизводства, а именно, в УПК РФ, в ГПК РФ, в АПК РФ, в КАС РФ. Например, в УПК РФ это ст. 56, в ГПК РФ – ст. 69. Журналисты и источники их информации в качестве лиц наделённых свидетельским иммунитетом, там не указаны.

Таким образом, возникает ситуация, когда журналист, с одной стороны обязан обеспечивать конфиденциальность полученной в ходе журналистской деятельности информации и хранить в тайне сведения о её источнике, а с другой стороны, при вызове на допрос, например, в качестве свидетеля о уголовному делу, обязан будет дать правдивые показания, в т.ч. сообщить следователю об источнике полученной информации. Вопрос о том, правильно это или нет, дискуссионный.

С одной стороны, обязанность реагировать на публикации в СМИ, в которых содержится информация о возможно совершённом преступлении является публичной обязанностью государства в лице его компетентных органов. Вполне логично и обоснованно предположить о том, что результативность такого расследования (реакции государства на преступление) в общем, будет выше, в случаях, если источник информации о преступлении, будет изначально идентифицирован и допрошен по всем известным ему обстоятельствам. С другой стороны, журналистские расследования нередко касаются организованной преступности, коррупции, злоупотреблений со стороны государственных чиновников и властей различных уровней. Источники получаемой информации могут, среди прочих, находится и внутри среды, в отношении которой проводится журналистское расследование. Действующие в нашем государстве механизмы защиты свидетелей не настолько эффективны и одновременно с этим трудоёмки, что не позволяют гарантировать безопасность источникам информации.

Кроме того, необходимо понимать фундаментальные понятия, согласно которых, если журналистом критикуется государства в лице его различных органов и должностных лиц, со стороны последних могут последовать репрессивные меры в отношении не только журналистов, но и источников информации (что даже более вероятней). В таких случаях, понуждать журналистов к раскрытию информации о своих источниках, значит в значительной степени сужать и уменьшать потенциал деятельности СМИ в

демократическом обществе, который позволяет свободно контролировать и критиковать власти.

На практике данная ситуация и опасения журналистов за безопасность своих источников информации, как правило приводит к случаям вынужденного сообщения журналистами ложных сведений, или к отказам от дачи показаний об источниках информации в надежде на то, что общественный резонанс и реакция общества не позволит привлечь последних к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний.

Однако такая ситуация, безусловно, не является выходом. В данном вопросе необходимо найти цивилизованное, сбалансированное и взвешенное решение, позволяющее сохранить и даже установить новые гарантии журналистской деятельности и обеспечить реализацию публичного интереса, который связан в оказании содействия государства в реакции на сообщения СМИ. Ведь, как правило, целью журналиста, который публикует свой материал является не только информирование общества, но и получение соответствующей адекватной реакции государства на освещённые в публикациях сведения. Такая реакция во многих случаях (а специфика случаев может быть очень разной), будет эффективной только путём контактирования представителей государства с источниками информации.

Ещё одной стороной проблемы, является сам источник информации. Не вызывает особых проблем случаи, когда источник самостоятельно выразил желание предать гласности свою личность и самостоятельно сообщить соответствующие сведения (вызов в суд для дачи показаний или допрос у следователя по уголовному делу рано или поздно приведёт к разглашению сведений о личности источника). Исключение составляют только случаи, когда личность свидетеля в целях его безопасности скрывается в установленном законом порядке, однако, такие случаи единичны. Однако, проблемной выглядит ситуация, когда источник изначально сообщал журналисту информацию только на условиях конфиденциальности. Вопрос о том, будет ли источник сообщать такую

информацию журналисту, если последний сообщит ему о том, что при вызове на допрос он будет вынужден рассказать сведения о его личности, звучит риторически.

А.А. Кравцов полагает, что «наличие подобных правовых коллизий может повлечь за собой достаточно серьезные проблемы в реализации российскими журналистами одного из главных принципов своей профессии - сохранение конфиденциальности источника информации» [32, с. 232]. С.А. Фарниев в целях разрешения данной проблемы предлагает модернизировать закон о СМИ. По мнению учёного «внесение представителей СМИ в перечень лиц, не обязанных давать свидетельские показания в рамках уголовного и гражданского дела, удовлетворяло бы как нормы действующего российского законодательства, так и нормы международно-правовой практики, которые уже сложились в данной сфере информационно-правовых отношений» [57, с. 114-115].

Проанализировав все за и против такого предложения, полагаем, что с ним всё-таки можно согласиться, однако, только с определённым условием. Представляется, что журналист, при получении информации от источника на условиях анонимности обязан, если это будут позволять условия, выяснить у него вопрос о том, желает ли он, в случае необходимости, раскрыть свою личность перед правоохранительными органами и дать соответствующие показания. И только, если источник информации выразит на это согласие, сообщить соответствующую информацию правоохранительным органам.

При этом, необходимо понимать, что такое правило не может относиться к случаям, когда компетентный правоохранительный орган в установленном законом порядке, самостоятельно выявить источник информации и обяжет его явкой для дачи показаний. В связи с тем, что способ получения сведений об информированности источника не будет связан с журналистом (в т.ч. с проведением в отношении последнего негласных мероприятий), оснований для предоставления такому источнику свидетельского иммунитета, нет.

Заключение

В результате проведённого исследования, были сделаны следующие выводы:

1. Право на свободу слова и информации в России постоянно притеснялось. Так, до начала XIX в. свободой выражения своих убеждений обладал только монарх. В 1804 г. император России Александр I подписал новый устав, ставший инструкцией для цензоров, в котором говорилось, что цензура утверждается «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». И там подчеркивалось: неоднозначные места в текстах должны толковаться «выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать». Однако на практике все эти рекомендации не учитывались. Более заметное послабление ограничений на свободу печати произошло лишь в 1855--1861 гг. Они коснулись изданий университетов, которые освобождались от цензуры. В 1917 г. Февральская революция отменила цензурные ограничения, однако уже в августе после неудачного мятежа под руководством Л. Г. Корнилова она было восстановлена. Конституция СССР декларировала свободу слова и печати, однако в действительности публичное высказывание убеждений, идущих в разрез с основной линией КПСС, преследовалось и уничтожалось на корню.

2. После преобразования в 1991 году в России появилось не только декларативное право на свободу слова и выражения собственного мнения, право на свободное распространение информации, но и их практическое воплощение (особенно в сравнении с предыдущими историческими периодами).

3. Право на свободу слова и свободу информации являются взаимосвязанными. Реализация каждого из прав невозможно по отдельности, изолировано друг от друга, в связи с чем, последние имеют общие «исторические корни», поскольку в первых международных нормативных

актах право на свободу информации излагалось как составляющая часть права на свободу выражения мнения.

4. Современный конституционно-правовое содержание права на свободу слова предполагает её определение через установления границ, за которые возможность свободно выразить своё мнение («слово») не допускается. При таком подходе право на свободу слова может быть определено как возможность беспрепятственно выразить своё мнение за исключением случаев распространения информации, которая может повлечь общественно-опасные последствия в виде социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Право на свободу слова по своему значению и содержанию следует отнести к основным правам человека.

5. Право на свободу информации раскрыто посредством перечисления элементов составляющих функциональную сторону деятельности человека и заключается в свободе поиска, получения, передачи, производства и распространения информации всеми способами, которые не запрещены законом. Вопрос установления границ права на свободу информации актуален в «век» информационных технологий, когда процессы создания и распространения информации в значительной степени упрощены и доступны что может быть использовано как средство достижения противоправных целей.

6. В Конституции РФ содержится довольно внушительное число правовых гарантий реализации права на свободу слова и информации. В своём большинстве содержащиеся там гарантии получили своё развитие в системе отраслевых нормативных правовых актов, за отдельным исключением.

7. Систему конституционных гарантий права на свободу слова и информации, можно представить следующим образом: общие гарантии (запрет дискриминации, возможность ограничения конституционных прав только в отдельно предусмотренных случаях, гарантии судебной защиты

прав и свобод человека и т.п.); специальные гарантии (само право на свободу слова и информации; запрет цензуры; принцип идеологического и политического многообразия, принцип свободы выражения взглядов относительно религиозных убеждений; принцип свободного доступа к информации об окружающей среде и т.п.).

К конституционным гарантиям реализации права на свободу слова и информации также необходимо относить и предусмотренные механизмы их реализации, механизмы предупреждения и реагирования на нарушения такого права (это деятельность судов, прокуратуры, свобода деятельности общественных объединений).

8. Необходимо констатировать важность и значимость международных стандартов в области защиты права на свободу слова и информации. Такие стандарты были выработаны в результате длительного осмысления важности и значимости информационной составляющей для развития и становления демократического общества. Для тех правовых систем, которые только развивались, они имеют важное значение в аспекте их заимствования и повышения качества собственной правовой системы. Сравнительный анализ стандартов Совета Европы в области права на свободу слова и информации с отечественными, позволяет утверждать, что отечественные стандарты вполне соответствуют европейским.

Исключительно положительно должно быть оценена распространившаяся в настоящее время практика, согласно которой отечественные суды при рассмотрении споров, связанных с реализацией права на свободу слова и информации, отечественные суды аргументируют свои решения ссылками на Конвенцию 1950 г. и прецедентные решения ЕСПЧ.

9. Правовые позиции КС РФ, которые выработаны последними в решениях относительно различных аспектов реализации права на свободу слова и информации, играют важнейшее значение в качестве основных ориентиров понимания различных спорных вопросов в данной сфере.

Важным аспектом является то обстоятельство, что КС РФ в своих решениях, как правило, применяет дополнительную аргументацию в виде устоявшихся и общепринятых международных стандартов в сфере прав и свобод человека. Вместе с тем, сами решения КС РФ имеют значительно большую юридическую силу и не могут быть отменены или пересмотрены в связи с принятием противоположных по своему содержанию решений ЕСПЧ.

10. Реализация и защита права на информацию, в большой степени зависит от государства, от принимаемых им законов, от деятельности компетентных органов. Однако, нередко государство и деятельность отдельных государственных органов и чиновников становится объектом критики, что может привести к тому, что государство будет всячески, допустимыми и недопустимыми средствами противодействовать такой критике и субъектам, которые её осуществляют, препятствуя тем самым реализации права на свободу слова и распространения информации.

Также, государство, чиновники, составляющие государственный аппарат, будучи не заинтересованными в предании огласке информации об их деятельности негативного характера, могут препятствовать участникам информационных отношений, в доступе к ней. Все обозначенные обстоятельства говорят о том, что хоть государство и выступает основным гарантом реализации и защиты права на свободу слова и информации, деятельность последнего должна быть дополнена и другим элементами. В первую очередь, это международные инстанции, которые позволяют контролировать работу отечественной правовой системы.

Кроме того, важное значение, в связи с этим, приобретает деятельность общественных объединений целью которых является защита прав и свобод человека. Не менее важна также личная активность граждан, как основных «потребителей» права на свободу слова и информации. Наличие у участника правоотношений (гражданина) высокого уровня правового осознания и правовой культуры, активной позиции в части защиты своих прав и

интересов, в целом, может позитивно сказаться на состоянии реализации данного права в государстве.

11. В качестве проблемных моментов конституционных гарантий права на свободу слова и информации, необходимо указать наличие неопределённости в вопросе выявления конституционно-правового смысла понятия «цензура» и соответствующего принципа запрета цензуры, его соотношения с установленными ограничениями права на свободу слова и информации. Также остаётся открытым вопрос о допустимости предоставления журналистам и СМИ в целом «свидетельского иммунитета» в отношении источников информации.

12. Установление свидетельского иммунитета в части допроса журналистов в отношении раскрытия личности источников информации, которые сообщали на условиях конфиденциальности, является целесообразным и позволит установить дополнительные существенные гарантии реализации права на свободу слова и доступ к информации. Журналист, при получении информации от источника на условиях анонимности обязан, если это будут позволять условия, выяснить у него вопрос о том, желает ли он, в случае необходимости, раскрыть свою личность перед правоохранительными органами и дать соответствующие показания. И только, если источник информации выразит на это согласие, сообщить соответствующую информацию правоохранительным органам.

Такое правило не может относиться к случаям, когда компетентный правоохранительный орган в установленном законом порядке, самостоятельно выявить источник информации и обяжет его явкой для дачи показаний. В связи с тем, что способ получения сведений об информированности источника не будет связан с журналистом (в т.ч. с проведением в отношении последнего негласных мероприятий), оснований для предоставления такому источнику свидетельского иммунитета, нет.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.12.2017 по делу N 22-8747/2017 // СПС «Консультанта Плюс».
2. Баньковский А.Е. Проблемы применимости решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 24-28.
3. Валитова Л.И. Конституционные гарантии права на доступ к информации // Вестник Башкирск. ун-та. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-garantii-prava-na-dostup-k-informatsii> (дата обращения: 28.01.2020).
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 года) // Российская газета. 1995. № 67.
5. Гаврюшов, Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Гавришов. - Белгород, 2010.
6. Гареев А.Р. Деятельность средств массовой информации по защите прав человека как института гражданского общества. В сборнике: Академическая среда российских университетов Сборник научных статей. Тюмень, 2018. С. 455-457.
7. Глотов С.А., Фомиченко М.П. Конституционное право: Учебное пособие. – М.: Международный юридический институт. 2014. С.440-441.
8. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: МНИМП, 1998. С. 52.
9. Гончаров И.А. Место права на информацию в системе конституционных прав и свобод. В сборнике: Академическая наука - проблемы и достижения Материалы XV международной научно-практической конференции. 2018. С. 113-117.

10. Гражданские и политические права, включая вопрос свободы выражения мнений. Право на свободу мнений и их свободное выражение». Доклад Специального докладчика г-на Амбейи Лигабо, представленный в соответствии с резолюцией 2003/42 Комиссии от 12 декабря 2003 г. // Док. ООН. E/CN.4/2004/62. URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?m=85 (дата обращения: 28.01.2020 года)

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532

12. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарии. М.: Права человека, 1997. 194 с.

13. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 9 сент. 2000 г. № Пр-1895 (утратила силу) // Рос. газ. 2000. № 187.

14. Дубровина М.А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России: Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук, специальность: 12.00.02. Саратов, 2007. 26 с.

15. Доклад Уполномоченного по правам человека в России за 2019 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2019> (дата обращения: 03.05.2020 г.)

16. Единство с Европой продемонстрировали конституционные судьи // Российская газета. № 4208 от 27.10.2006. С. 53.

17. Забара И.Н. Право на информацию: современный концептуальный подход в науке международного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №4. С. 293 – 301.

18. Замечание общего порядка № 34, статья 19: свобода мнений и их выражения, Комитет ООН по правам человека, сто вторая сессия, Женева, 11–29 июля 2011 года. URL.:

https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31221090 (дата обращения: 04.05.2020)

19. Зибров О.В., Джафарова Н.Т. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения в области оборота информации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №2. С. 200-202.

20. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. № 12. 2004. С. 7-10.

21. Ивеньев С.И. Четвёртое и пятое поколение прав человека. URL: <http://www.yurclub.ru/print.php> (дата обращения: 28.01.2020года).

22. Клементьева В.С. Право на информацию как основа реализации системы основных прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2016. №2. С. 138.

23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

24. Кожеуров Я.С. Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека: можно ли избежать цугцванга? // Актуальные проблемы российского права. 2016. №2 (63). С. 49-54.

25. Колмаков С.Ю. Сравнительно-правовое исследование свободы слова в России и Китае. Влияние российской правовой системы на китайскую // COMPARATIVE POLITICS. 2013. № 2. С. С. 87.

26. Колмакова Т.Н. Гарантии реализации права каждого на свободу слова в правоприменительной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №7. С. 57-60.

27. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении

некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

28. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

29. Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №2 (36). С. 136.

30. Кравцов А.А. Защита конфиденциальной речевой информации на объектах коммуникации. О примерах такого рода проблем // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2013. № 3. С. 232

31. Куликова С. А. Запрет цензуры в Конституции Российской Федерации: опыт комплексного анализа // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 34-40.

32. Ломакина Л.А. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на развитие законодательства об административной ответственности // Журнал российского права. 2012. №2. С. 61-65.

33. Маковой М., Чефранова Е.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу выражения своего мнения. М., 2001. С. 12.

34. Материалы слушаний судебных дел Ballantyne and Davidson u. Canada, Communication No 359 | 1989 и Doc. CCPR C |47|D|359|1989 and 385/1989/Rev. 1,5 May 1993? Annex, para 11.3 URL: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/html/359-358-1989.html> (дата обращения: 04.05.2020)

35. Международные стандарты свободы слова и выражения мнения Душанбе. 2018 г. 43 с. URL: https://www.bhr.tj/sites/default/files/library/docs/666666666_0.pdf (дата обращения: 03.05.2020 г.)

36. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976 г. №17 (1831).

37. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

38. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

39. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

40. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901

41. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // СЗ РФ. 2002. №24. Ст. 2253.

42. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

43. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // Собр. законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

44. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. К проблеме взаимоотношений государства и личности в контексте генезиса поколений прав человека //

Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. №23 (166) С.125-131.

45. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 // Солидарность. 01 - 08.03.2017. № 9.

46. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2004 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заровнятных Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав ст.ст. 297, 298 УК РФ// <http://www.ksrf.ru>.

47. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730 по делу N А07-12906/2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=485269&ds t=1000000001&date=04.05.2020> (дата обращения: 03.05.2020)

48. Паламарчук С. А. Вопросы нормативно-правового регулирования цензуры как одного из видов ограничения права на информацию // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2017. № 1. С. 141-147.

49. Поздникин П.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Актуальные вопросы // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. 2010. № 4. С. 16.

50. Поощрение и защита права на свободу убеждений и их свободное выражение. Доклад Специального докладчика г-на Абида Хуссейна, подготовленный в соответствии с резолюцией 1993/45 Комиссии по правам человека от 19 декабря 1994 г. // Док. ООН. E/CN.4/1995/32. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/7821679.71134186.html>. (дата обращения: 28.01.2020 года)

51. Попова А.В. Конституционное право: краткий курс лекций / А. В. Попова. –3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С.168-169.

52. Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2019 г. «Дело «Скудаева (Skudaeva) против России» (жалоба № 24014/07) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2019. № 10.

53. Постановление ЕСПЧ от 16 апреля 2019 г. «Дело «Ребеченко (Rebchenko) против России» (жалоба № 10257/17) // Российская хроника ЕСПЧ. 2019. № 3.

54. Постановление ЕСПЧ от 2 июля 2019 г. «Дело «Новая газета» и Милашина (Novaya Gazeta and Milashina) против России» (жалоба № 45083/06) // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-194205%22%5D%7D> (дата обращения: 03.05.2020)

55. Постановление ЕСПЧ от 8 октября 2019 г. «Дело «Надтока (Nadtoka) против России» (№ 2) (жалоба № 29097/08) // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-196409> (дата обращения: 03.05.2020)

56. Постановление ЕСПЧ от 29 октября 2019 г. «Дело «Новая газета» и Бородинский (Novaya Gazeta and Borodyanskiy) против России» (жалоба № 42113/09) // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-197208> (дата обращения: 03.05.2020)

57. Постановление ЕСПЧ от 26 ноября 2019 г. «Дело «Савенко (Лимонов) (Savenko (Limonov)) против России» (жалоба № 29088/08) // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-198640> (дата обращения: 03.05.2020)

58. Постановление ЕСПЧ от 08.07.1986 «Лингенс (Lingens) против Австрии» (жалоба N 9815/82) [рус. (извлечение), англ.] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=7171&dst=4294967295&date=04.05.2020> (дата обращения: 03.05.2020)

59. Постановление ЕСПЧ от 21.07.2005 «Дело «Гринберг (Grinberg) против Российской Федерации» (жалоба N 23472/03) // СПС «Консультант

Плюс».

URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=24105&dst=1000000001&date=04.05.2020> (дата обращения: 03.05.2020)

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1993 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2-3. 1994 г.

61. Постановление Конституционного суда РФ от 04.04.1996 г. № 9-П. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 16. Ст. 1909

62. Постановление Конституционного суда РФ от 04.03.1997 г. № 4-П. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 11. Ст. 1372.

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 г. № 15-П // СЗ РФ. 2003 г. № 44. Ст. 4358.

64. Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2005 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. Ч. 2. Ст. 3200.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 г. № 10-П // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4968.

66. Постановление Конституционного суда РФ от 17.11.2005 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 48. Ст. 5123.

67. Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 г. № 24-П// СЗ РФ. 2006. № 7. Ст. 2970.

68. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 03.05.2020).

69. Саидов А.Х. Общеизвестные права человека: Учебное пособие. М., 2004. С. 119; Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2001. С. 142.

70. Сарасов Е.А. Гарантии права человека на информацию: проблема защиты свободы слова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. №1 (11). С. 112-116.

71. Сообщение № 926/2000, Шин против Республики Корея. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom34.html> (дата обращения: 04.05.2020)

72. Сообщение № 1341/2005, Цюндель против Канады, Соображения приняты 20 марта 2007 года. URL.: http://cyberpeace.org.ua/files/ii_a_1.pdf (дата обращения: 04.05.2020)

73. Сообщение № 1009/2001, Щетко и др. против Республики Беларусь, Соображения приняты 11 июля 2006 года. URL.: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPpRiCAqhKb7yhsrdB0H115979OVGGB%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6%2F7b34w9wyuefMGPZ3pfNWWo3zezOm7JItdDx2Rpx7yG>. (дата обращения: 04.05.2020).

74. Сообщение № 412/1990, Кивенмаа против Финляндии, Соображения приняты 31 марта 1994 года. URL.: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2019/11.pdf>. (дата обращения: 04.05.2020).

75. Сообщение № 1189/2003, Фернандо против Шри-Ланки. URL.: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4ed34b892.pdf> (дата обращения: 04.05.2020).

76. Стариков В.В. Конституционно-правовое исследование права на благоприятную окружающую среду и права на достоверную информацию о ее состоянии: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 3-4.

77. Стремоухов А.В. Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал. 2012. №1 С.7-10.

78. Султанов А.Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека. М. : Статут, 2013. 544 с.

79. Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормокон-троль: осмысление российского опыта: монография. М.: НОРМА, 2018. 256 с.

80. Уваров А.А., Кирпичникова А.В. Профессиональная деятельность журналиста как гарантия реализации прав граждан на информацию, свободу мысли и слова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 5 (49), ч. 2. С. 252-254.

81. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

82. Фарниев С.А. Конституционные гарантии свободы массовой информации // Евразийская адвокатура. 2016. №3 (22). С. 114-117.

83. Фатализаде А.А. Право на свободу выражения мнения и свободу информации // Наука, образование и культура. 2017. № 4 (19). С. 55 – 56.

84. Фролова И.Г. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 32 с.

85. Хамнуев Ю.Г., Тетерин А.Н. О чем говорит конституционный запрет цензуры // Сибирский юридический вестник. 2019. №3. С. 33-37.

86. Хныкин И.Н. Право на информацию в российской федерации - ограничения конституционных прав граждан на информацию // Проблемы науки. 2019. №11 (47). С. 73 – 78.

87. Худoley К.М. Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №4 (38). С. 463-474.

88. Чхиквадзе, В. М. Социалистический гуманизм и права человека: (Ленинские идеи и современность). -М., 1978.

89. Щеголева Н.А., Силаев П.О. Конституционно-правовой аспект права на информацию // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №4. С. 120-121.

90. Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.02. М., 2013. 26 с.

91. Эктумаев А.Б. Пределы и границы права на свободу слова // Общество: политика, экономика, право. 2017. №1. С. 102.